

**Николай Николаевич Ефимов
Александр Юльевич Бондаренко
Военная контрразведка от «Смерша»
до контртеррористических операций
Серия «Тайны спецслужб»**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17181841

*Военная контрразведка от «Смерша» до контртеррористических операций / Бондаренко А. Ю.,
Ефимов Н. Н.: Кучково поле; Москва; 2010
ISBN 978-5-9950-0072-3*

Аннотация

Говорят, что "газета живет один день", и в этих словах есть своя правда. Однако кроме сиюминутных новостей и оперативной информации в периодических печатных изданиях обязательно выходят и такие материалы, которые будут интересны читателям не только сегодня, но и годы, и десятилетия спустя.

Корреспонденты "Красной звезды" сумели собрать воистину уникальный объем информации по работе военной контрразведки – от легендарного "Смерша" до сегодняшнего участия военных контрразведчиков в контртеррористической операции на Северном Кавказе. Эти материалы и составили нашу книгу, знакомство с которой позволяет понять, что подавляющее большинство читателей имеет весьма поверхностное понятие о службе и деятельности военных контрразведчиков.

Содержание

Слово к читателю	5
От первого лица	7
«Наша главная традиция – любовь и преданность Родине и своему народу»	7
Герои «Смерша»	20
«Мы помним своих героев»	20
Ветераны вспоминают	26
Легендарный Смолячков	26
«Ракетчик»	26
Псевдоним Звезда	27
«Руки прикажите отмыть!»	29
Игра с «Марсом»	30
Задержание	31
Ошибка резидента	31
Как «23» агентов погубило	33
«Жесткая» посадка	34
Операция «С легким паром!»	35
46 часов с Антонеску	38
Это было в Эстонии	40
«Плененные, но непокоренные»	40
Смертельные танцы	41
Работали ради Победы	43
«Оперработники – это бойцы переднего края»	46
Маршал военной разведки	50
«Чекист грамотный, общая подготовка хорошая...»	56
История с камушками	56
Что «внутри» у «Фордзона»?	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

**Александр Бондаренко,
Николай Ефимов**
**Военная контрразведка от «Смерша»
до контртеррористических операций**
ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

от 5 декабря 2008 г. № 912 МОСКВА

О присвоении наименования географическому объекту в Республике Северная Осетия – Алания

В соответствии с Федеральным законом «О наименованиях географических объектов» Правительство Российской Федерации постановляет:

На основании представления Парламента Республики Северная Осетия – Алания присвоить наименование «пик Российских Контрразведчиков» безымянной горной вершине Суганского хребта, расположенной в Республике Северная Осетия – Алания, с координатами 42°55,9' северной широты, 43°38,4' восточной долготы и абсолютной высотой 3269 метров.

*Председатель Правительства
Российской Федерации
В. ПУТИН*

Слово к читателю

В нашу книгу вошли очерки, интервью и воспоминания, посвященные советской и российской военной контрразведке. Материалы эти подготовлены не только корреспондентами и штатными авторами центральной военной газеты «Красная звезда», но также ветеранами-контрразведчиками и даже действующими сотрудниками Департамента военной контрразведки ФСБ России. На документальном и фактическом материале они рассказывают о различных событиях почти 70-летнего периода: от легендарной контрразведки «Смерш», одной из самых эффективных и боеспособных спецслужб Великой Отечественной войны, до конкретных оперативных разработок последних дней и участия военных контрразведчиков в контртеррористической операции (КТО) на Северном Кавказе. Здесь нет вымысла, каких-то придуманных «красивостей», но – пусть не посетует на то уважаемый читатель – есть неизбежные недомолвки и недоговоренности, что обусловлено самой спецификой деятельности органов обеспечения безопасности войск. Ведь и сегодня существуют угрозы безопасности армии и флота, продолжается тайная война, а потому военные контрразведчики, несущие службу везде, где находятся российские войска, остаются бойцами переднего края. При этом решающая роль в войне спецслужб принадлежит не суперсовременной спецтехнике, а людям, для которых основным оружием являются опыт и оперативное мастерство, накопленные и переданные им в наследство предыдущими поколениями.

Эти люди, военные контрразведчики, – от руководителей 3-го Главного управления КГБ СССР и 3-го Департамента ФСБ России до рядовых оперативных и технических работников – и стали героями новой книги.

Лично у меня отношение к военной контрразведке особое – здесь началась моя служба в КГБ СССР. Офицер Ракетных войск стратегического назначения, я в 1967 году закончил Новосибирскую школу КГБ № 311-

Так сбылась моя еще детская мечта, когда я собирал и с упоением читал литературу о чекистах, разведчиках, о Дзержинском! Эта мечта укрепилась, когда я стал офицером, узнал и увидел, как работают военные контрразведчики в наших РВСН, где все было связано с военной и государственной тайной. Я понял, что это особые люди, которые прежде всего и постоянно думают о защите того объекта оперативного обслуживания, за который отвечают перед государством, и этой своей работой они обеспечивают государственную безопасность в целом.

Когда мне предложили поступить в Новосибирскую школу КГБ, я согласился не раздумывая и затем долгое время был на оперативной работе. Моя тогдашняя служба была связана с испытанием ракетной техники – комплексным обеспечением безопасности объектов оперативного обслуживания. За успешное решение поставленных задач я тогда получил поддержку и напутствие на учебу в Высшую школу КГБ СССР, на очное отделение, от ныне покойного генерал-лейтенанта Александра Ивановича Матвеева. Кстати, об этом замечательном человеке немало рассказывается в нашей книге.

Хотя впоследствии я в военной контрразведке не работал, у меня сохранилось самое глубокое уважение к ее сотрудникам и к их нелегкому, очень напряженному и подчас значительно более сложному, чем в других подразделениях органов госбезопасности, труду. Это моя точка зрения – с ней можно соглашаться или нет, но я, служивший в различных подразделениях КГБ СССР, считаю именно так.

Книгу «Военная контрразведка: от «Смерша» до КТО» подготовили журналисты газеты «Красная звезда» Николай Ефимов и Александр Бондаренко. Они являются авторами многих включенных в нее текстов (эти очерки и интервью помещены в книгу без подписей),

а также организовали, отредактировали и подготовили к печати ряд авторских материалов, фрагментов из воспоминаний ветеранов.

...Россия и ее Вооруженные Силы были, есть и будут объектом устремлений иностранных спецслужб. А значит, тема деятельности российской военной контрразведки будет продолжена как на страницах газеты «Красная звезда», так и в тех изданиях, которые осуществляются при поддержке Союза ветеранов госбезопасности.

Валентин ТИМОФЕЕВ, президент Союза ветеранов госбезопасности

От первого лица

«Наша главная традиция – любовь и преданность Родине и своему народу»

Визитная карточка. Сергей Михайлович СМЕРНОВ родился 12 октября 1950 г. в Чите. Окончил Ленинградский электротехнический институт связи в 1973 г., Высшие курсы КГБ при СМ СССР в Минске – в 1975 г.; в органах безопасности – с 1974 г. В 2001–2003 гг. возглавлял Управление ФСБ России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. На должность первого заместителя директора ФСБ России был назначен в июне 2003 г. Награжден орденами «За военные заслуги» и Почета, нагрудным знаком «Почетный сотрудник контрразведки», многими медалями. Мастер спорта по гандболу.

– Сергей Михайлович, завтра в нашей стране будет отмечаться День работника органов безопасности – 20 декабря 1917 года была основана легендарная ЧК. Пожалуйста, напомните нашим читателям, что считается главными вехами 90-летней истории ВЧК – КГБ – ФСБ?

– Уточним, что история органов безопасности неразрывно связана с историей нашего государства, и основные политические события, происходящие в стране, влияли на их задачи и деятельность. После Октября при СНК была создана Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем. Органы ВЧК являлись исполнительной структурой Советского государства и предназначались для ведения дознания и предварительного следствия. Причем, несмотря на сложную обстановку в стране, карательные органы Советской республики, в том числе и ВЧК, вначале не применяли к врагам революции суровых репрессий.

– А как же печально известный «красный террор»?

– Постановление о его введении – в ответ на «белый террор» контрреволюции – СНК принял 5 сентября 1918 года. Тогда, после покушения на Ленина, ВЦИК объявил Советскую республику военным лагерем. А уже к концу Гражданской войны отпала необходимость сохранять за ВЧК функции внесудебных действий. В середине января 1920 года ВЦИК и Совнарком отменили применение высшей меры наказания – расстрела – по приговорам ревтрибуналов и чрезвычайных комиссий.

– Вскоре ведь ВЧК вообще была реорганизована?

– Конечно, в условиях перехода от войны к миру должен был измениться и характер деятельности органов безопасности. В феврале 1922-го было создано Государственное политическое управление – ГПУ, а после образования СССР – Объединенное государственное политическое управление при СНК СССР, как орган, объединяющий усилия республик в борьбе с политической и экономической контрреволюцией, шпионажем и бандитизмом. Тогда, на рубеже 1920-1930-х годов, в период индустриализации и коллективизации, сотрудников ОГПУ – НКВД все чаще стали привлекать к решению внутриполитических задач, несвойственных органам безопасности, не имеющих ничего общего с разведкой и контрразведкой. Началом трагического периода в истории органов госбезопасности, связанного с проведением репрессивной политики, стало убийство Кирова...

– Многие сегодня уверены, что в репрессиях виноваты именно сотрудники НКВД, – мол, это их инициатива...

– Деятельность наших органов безопасности всегда направлялась партийно-государственной властью и основывалась на тогдашнем законодательстве. Так, в 1930-е годы на работе органов негативно отразились установки компартии об усилении классовой борьбы. Масштабы репрессий значительно расширились, разоблачение «врагов народа» охватило важнейшие сферы государства и общества, в том числе и сами спецслужбы. В результате такой политики был нанесен огромный ущерб обороноспособности страны в условиях надвигающейся агрессии нацистской Германии и ее сателлитов против СССР

– *Волна репрессий началась сразу после убийства Кирова?*

– В тот же день, 1 декабря 1934 года, даже без формального утверждения сессией ЦИК, вступило в силу постановление ЦИК, согласно которому следствие по делам о террористических актах должно было заканчиваться в 10-дневный срок и рассматриваться в суде без участия сторон обвинения и защиты. Кассационные обжалования и ходатайства осужденных о помиловании не допускались, а приговоры должны были приводиться в исполнение немедленно после оглашения. Так был создан «правовой механизм» для проведения репрессий, а исполнителями этих положений явились органы безопасности и прокуратура. Поэтому в постановлении «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», принятом ЦК ВКП(б) и СНК СССР в 1938 году, ответственность за массовый террор в стране была возложена на НКВД СССР и Прокуратуру СССР Репрессии представлялись как результат деятельности сотрудников НКВД – «врагов народа».

– *Это после того, как Ежова на посту наркома сменил Берия?*

– Да, тогда репрессии несколько поутихли. Но ведь их инициаторами и организаторами явились не чекисты, а руководители партийных и советских органов!

– *Так и сам же «железный сталинский нарком» Ежов был партработником с 1922 года, а с 1935-го – секретарем ЦК ВКП(б)...*

– Впрочем, в механизм, направленный на подавление свободомыслия, были вовлечены все слои общества, но в первую очередь руководители партийных аппаратов республик, краев и областей. В состав «троек» входили именно они, они же выносили смертные приговоры невинным людям. Вообще, в тот период времени в стране действовала мощная карательная система, включающая в себя как советский, партийный и государственный аппарат, так и органы НКВД, прокуратуру, судебные органы, РККА.

– *Думается, вопрос репрессий требует еще всестороннего изучения и осмысления. Но хотя страна была ослаблена, однако вскоре она сумела выдержать удар гитлеровских армий...*

– Скажу, что сложно переоценить тот вклад, который внесли советские спецслужбы в победу в войне. С началом войны было очень много сделано для коренной перестройки работы органов безопасности – в короткий период решены задачи оперативно-мобилизационного развертывания и внесены изменения в структуру, формы и методы чекистской деятельности. Органы госбезопасности вели сложную и напряженную работу по организации борьбы с фашистскими захватчиками, вскрытию и пресечению подрывной деятельности противника, обеспечению безопасности важных промышленных и других народно-хозяйственных объектов, поддержанию высокой бдительности, организованности и порядка. Они обеспечивали руководство информацией, добывавшейся ими через свои зафронтовые возможности. В тесной связи с партизанским движением и патриотическим подпольем на оккупированной территории стала формироваться и получила развитие зафронтовая разведывательно-диверсионная и контрразведывательная деятельность. Она осуществлялась по линии 4-х отделов НКВД союзных республик и УНКВД краев и областей.

– *О работе управления, которым руководил генерал Судоплатов, сейчас широко известно...*

– Гораздо менее известно то, что органами безопасности был внесен большой вклад и в решение экономических задач помощи фронту. Чекисты выявляли факты грубого нарушения технологии производства, вскрывали причины и условия возникновения негативных явлений, которые мешали развитию военно-экономического потенциала страны и наносили морально-политический ущерб, боролись с хищениями и злоупотреблениями. Уже к 1942 году в органах безопасности произошло становление централизованной и оперативно действующей системы местного и всесоюзного розыска вражеских агентов, изменников Родине и других опасных преступников.

– *Это вы говорите о работе территориальных органов...*

– Да, потому что перед органами военной контрразведки – ГУКР Смерш – стояли особые задачи. Основными направлениями их деятельности были: организация охраны тыла Красной армии, борьба с трусостью, паникерством, самовольным оставлением поля боя, изменой Родине в форме перехода на сторону врага, дезертирством; организация контрразведывательной работы на освобожденной территории в целях выявления оставленных в нашем тылу вражеских агентов, немецких карателей, пособников и военных преступников. Я знаю, что обо всем этом «Красная звезда» рассказывала не один раз.

– *Будем рассказывать еще больше – ведь через год военная контрразведка отметит свои 90 лет, мы к этому тоже готовимся!*

– Тогда перейдем к послевоенному периоду – уже в 1946 году нашими бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции была развязана холодная война. На органы безопасности были возложены задачи противостояния подрывной деятельности иностранных разведок, выявления изменников Родине, предателей и пособников фашистских оккупантов среди репатриантов и реэмигрантов. Ну а сегодня основная задача Федеральной службы безопасности – обеспечение безопасности Российской Федерации. Функции ФСБ определены российским законодательством и реализуются в области контрразведывательной, разведывательной, пограничной деятельности, борьбы с преступностью и терроризмом, обеспечения информационной безопасности, а также выявления и предотвращения новых угроз и вызовов нашему Отечеству. И сейчас, в мирное время, сотрудники выполняют свой профессиональный долг, иногда рискуя жизнью. По словам директора ФСБ России Николая Платоновича Патрушева, уже в этом году около пятисот сотрудников органов безопасности отмечены государственными и ведомственными наградами.

– *Понятно, что все эти материалы хранятся в архивах вашей службы. Могут ли они стать достоянием гласности?*

– Учтите, что только Центральный архив ФСБ России имеет более 700 тысяч единиц хранения. Огромное количество документов, связанных с деятельностью органов госбезопасности на территории бывшего СССР, а затем современной России хранят архивы территориальных органов Федеральной службы безопасности. Без изучения этих материалов невозможно понимание исторических процессов, происходящих не только в нашей стране, но и в странах ближнего и дальнего зарубежья. Надо сказать, что архивами ФСБ активно вводятся в научный оборот документальные материалы, которыми пользуются историки и исследователи. На их основе создаются научно-документальные фильмы и готовятся экспозиции музеев. Не последнюю роль в этом играют сотрудники, работающие в архивах спецслужб.

– *Какие документальные издания, посвященные истории службы безопасности, представляют особенный интерес?*

– За последнее десятилетие специалистами ФСБ совместно с научными организациями подготовлены такие фундаментальные издания, как «Совершенно секретно. Лубянка – Сталину о положении в стране. 1922–1934 гг.», «Высылка вместо расстрела», «Органы безопасности в годы Великой Отечественной войны», «Русская военная эмиграция», «Совет-

ская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД», «Трагедия советской деревни» и многие другие. Опубликованы книги «Лубянка 2», «Смерш», куда вошли статьи по истории контрразведки и военной контрразведки, подготовленные нашими специалистами. Они иллюстрированы многочисленными архивными документами и фотографиями.

– *Можно предположить, что все ваши архивные материалы будут постепенно раскритичены?*

– Нет, далеко не все хранящиеся в архивах спецслужбы документы будут доступны для исследователей. В соответствии с нормами действующего законодательства, законами «О государственной тайне», «О федеральной службе безопасности» не подлежат рассекречиванию документы и материалы, содержащие сведения о кадровом составе органов службы, лицах, оказывающих или оказывавших им содействие на конфиденциальной основе, а также об организации, тактике, методах и средствах осуществления контрразведывательной, разведывательной и оперативно-разыскной деятельности...

– *Понятно... И все же – вопрос об организации именно этой деятельности. Известно, что созданию Красной армии во многом способствовали «военспецы» – бывшие офицеры. Можно ли говорить о том, что и ВЧК использовала опыт и лучшие традиции дореволюционных спецслужб по обеспечению госбезопасности?*

– История отечественной контрразведки насчитывает не одно столетие, за это время ее искусство прошло длительный путь развития – от кажущихся примитивными оперативных мероприятий до сложнейших комбинаций. Однако после Февральской революции структуры политического сыска царской России были упразднены, а вскоре образована Всероссийская чрезвычайная комиссия. Она рассматривалась как временный специальный орган для решения первоочередных задач, стоявших перед новой властью: борьба с контрреволюционными организациями, с саботажем чиновников, анархией, бандитизмом и спекуляцией. На начальном этапе деятельности сотрудники комиссии вырабатывали наиболее успешные методы борьбы с врагами существующего строя – как говорится, путем проб и ошибок. В основном применялось проведение массовых обысков, облав и засад.

– *Думается, такие массовые мероприятия не способствовали укреплению авторитета ни ВЧК, ни самой новой власти.*

– Это да, хотя уже в то время большое значение придавалось работе с населением, с сигналами граждан. А вот такие методы, как использование для добывания разведывательной информации секретных сотрудников и негласных средств, в работе в ВЧК считались «провокационными».

– *Но ведь именно агентурная работа является основой основ для спецслужбы.*

– Это поняли не сразу, но скоро. Практическая деятельность показала, что спецслужбами империи накоплен уникальный опыт ведения разведывательной и контрразведывательной работы. Этот опыт был взят на вооружение ВЧК, которая в последующем была преобразована в государственную структуру, соединяющую в себе функции разведки, контрразведки, охраны государственных лиц, розыска и следствия по делам о государственных преступлениях.

– *Мы заговорили о преемственности и традициях. Обратимся к событиям Великой Отечественной войны – ярчайшим страницам в истории нашей госбезопасности...*

– Главное управление контрразведки НКО «Смерш» («Смерть шпионам») было образовано постановлением Совнаркома СССР 19 апреля 1943 года. На него в числе первоочередных возлагались задачи борьбы со шпионской, диверсионной, террористической деятельностью иностранных разведок и принятия совместно с командованием мер, исключающих возможность безнаказанного прохода агентуры противника через линию фронта. Благодаря налаженной зафронтальной работе армейские чекисты нередко располагали подробными сведениями об агентах противника еще в период их подготовки в разведшколах. Только с

октября 1943 года по май 1944-го контрразведчики перебросили в тыл противника 345 агентов. Возвратились после выполнения задания 102, а 57 внедрились в разведшколы и продолжали выполнять задания военной контрразведки. За этот период органами «Смерша» было выявлено 1103 агента противника.

– *С какими заданиями направлялись к нам немецкие агенты?*

– Например, летом 1943 года сотрудниками «Смерша» был разоблачен фашистский агент, имевший задание убить командующего войсками Ленинградского фронта генерал-полковника Леонида Говорова. В 1944 году с участием военных контрразведчиков сорвана операция немецкого разведывательно-диверсионного центра «Цеппелин» по физическому уничтожению Верховного главнокомандующего Иосифа Сталина.

– *Понятно, эти агенты были подготовлены очень серьезно...*

– Значительное место в противоборстве армейских чекистов с гитлеровской военной разведкой занимали мероприятия по дезинформации врага о планах и действиях наших войск. Эффективным средством дезинформации являлись радиоигры с противником, которые велись с начала войны, а с передачей их в ведение органов «Смерша» проводимая дезинформация приобрела стратегический масштаб. Тексты радиogramм разрабатывались контрразведкой совместно с Генштабом Красной армии, а особо важные – со Ставкой ВГК. Всего было проведено 183 игры. В ходе таких «боев в эфире» было обезврежено около 400 агентов и сотрудников гитлеровских разведорганов. Дезинформация сопутствовала успеху Курской битвы, Белорусской, Яско-Кишиневской, Прибалтийской и Висло-Одерской операций.

– *И опять просьба о примере...*

– Как пример – радиоигра «Штурм», которую чекисты Закавказского фронта проводили почти два года. Было арестовано 30 агентов «Цеппелина», задержаны тонны оружия, взрывчатки, боеприпасов, сброшенных немцами с самолетов. Могу сказать, что военная контрразведка, в том числе органы «Смерш», с честью выполнила возложенные на нее задачи, показала превосходство в ожесточенной схватке с абвером и «Цеппелином» и тем самым внесла свой вклад в Победу в Великой Отечественной войне.

– *Этот вклад можно определить как-то конкретно?*

– Конечно! Впрочем, «Красная звезда» уже писала, что за годы войны военными контрразведчиками было обезврежено более 30 тысяч шпионов, около 3,5 тысячи диверсантов и свыше 6 тысяч террористов. Читатели хорошо понимают, что за этими сухими цифрами стоят спасенные жизни воинов. Можно ли представить степень вероятного ущерба для Вооруженных сил, если бы были совершены все запланированные диверсии и теракты в расположении и на фронтовых коммуникациях войск и все агенты регулярно докладывали бы противнику о сосредоточении и передвижении войск, о замыслах советского командования и готовящихся военных операциях?

– *Думаю, в такой ситуации говорить о победе в Великой Отечественной войне нам бы просто не пришлось...*

– И еще данные того же времени: более 6 тысяч армейских чекистов погибли при выполнении заданий органов госбезопасности, командования армии и Военно-морского флота. За образцовое выполнение заданий тысячи военных контрразведчиков награждены орденами и медалями, а Петру Жидкову, Григорию Кравцову, Михаилу Крыгину и Василию Чеботареву присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

– *Причем все они погибли в боях и звания Героя были удостоены посмертно... Сергей Михайлович, а вы можете объяснить, что это такое: опыт и традиции «Смерша»? Как они сегодня служат военным контрразведчикам?*

– Пусть это не покажется громкими словами, но «Смерш» – пример высочайшего профессионализма, героизма, мужества, бесстрашия и самоотверженности. Это безграничная любовь и преданность Родине и своему народу, неподкупность, несгибаемая воля, высокое

чувство долга, боевого товарищества и личной ответственности за порученное дело, неразрывная связь с армейскими коллективами. И я вам скажу, что славные традиции «Смерша», опыт фронтовиков бережно хранятся и приумножаются отечественными военными контрразведчиками. В патриотическом воспитании наших сотрудников большое значение имеют живое общение с ветеранами, а также книги и статьи, написанные военными контрразведчиками о борьбе армейских чекистов с фашистской разведкой. В частности, это книги ветеранов «Смерша» Б. В. Гераскина, А. А. Говорова, В. И. Горбушина, К. И. Данилина, А. С. Евдокушина, Л. Г. Иванова, И. Я. Леонова, А. И. Матвеева, М. А. Поспелова, А. К. Соловьева, Б. А. Сыромятникова, И. Л. Устинова, Г. М. Шумилина и многих других. В неразрывной связи военных контрразведчиков разных поколений мы видим неиссякаемый источник нашей силы и залог успехов в обеспечении безопасности Вооруженных сил России. Боевой опыт сотрудников «Смерша» действительно используется военными контрразведчиками.

– *Это в Афганистане, во время локальных конфликтов?*

– Да, немало военных контрразведчиков прошли боевую закалку, обеспечивая безопасность ограниченного контингента советских войск в Афганистане. Армейские чекисты вновь продемонстрировали яркие образцы мужества, отваги и верности долгу. Одному из них было присвоено звание Героя Советского Союза. Боеспособность военных чекистов была подтверждена в ходе их участия в проведении контртеррористической операции на Северном Кавказе. Некоторые из них пали смертью храбрых в боях с бандформированиями.

– *Какие задачи выполняли контрразведчики в Чеченской Республике?*

– Основная задача – обеспечение безопасности войск в зоне боевых действий. Добываемая информация позволяла предотвращать диверсионно-террористические акты боевиков, выявлять их пособников. Неоднократно военные контрразведчики участвовали в осуществлении специальных операций, выводили личный состав из окружения и делали все возможное, чтобы снизить потери среди солдат и офицеров... Но деятельность органов военной контрразведки не ограничивается зонами боевых действий. Независимо от места своей дислокации, будь то Москва или отдаленный гарнизон, они проводят постоянную работу по выявлению и нейтрализации разведывательных и иных подрывных устремлений иностранных спецслужб, зарубежных экстремистских организаций в отношении российских войск, ведут борьбу с незаконным оборотом оружия и наркотиков, оказывают помощь командованию в повышении боеготовности соединений и частей. В результате за боевые отличия и успехи в оперативной работе десятки сотрудников военной контрразведки отмечены государственными наградами. Вы видите, что они достойные продолжатели дел своих отцов и дедов, тех, кто в период Великой Отечественной войны в составе особых отделов НКВД и органов «Смерша» внес весомый вклад в дело победы над фашизмом. Военная контрразведка была и остается одним из наиболее боевых отрядов российских органов безопасности.

– *В чем же состоит особенность и специфика деятельности органов военной контрразведки в настоящее время? Каковы их роль и место в системе ФСБ?*

– Прежде всего отметим, что военная контрразведка входит в единую централизованную систему органов Федеральной службы безопасности и находится в прямом подчинении ФСБ России. Ее задачи, так же как и назначение, состав, правовые основы, принципы и направления деятельности, полномочия, силы и средства, определены Законом «О федеральной службе безопасности» от 3 апреля 1995 года с соответствующими изменениями и дополнениями, а также «Положением об управлениях (отделах) Федеральной службы безопасности Российской Федерации в Вооруженных силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах (органах безопасности в войсках)», утвержденным Указом Президента РФ от 7 февраля 2000 года.

– *А в этой системе военная контрразведка...*

– Сегодня это Департамент военной контрразведки ФСБ России и органы безопасности в войсках: управления и отделы ФСБ по военным округам и флотам, Внутренним войскам МВД, Космическим войскам, Командованию специального назначения, объединениям центрального подчинения; отделы ФСБ по объединениям, соединениям, воинским частям, гарнизонам, военным образовательным учреждениям Вооруженных сил, других войск, воинских формирований и органов. ДВКР осуществляет непосредственное руководство органами безопасности в войсках, обеспечивает безопасность в центральных органах управления ВС, других войск, воинских формирований и органов, а также в непосредственно подчиненных им воинских частях и организациях.

– *И тоже работают в соответствии с названными документами?*

– Конечно, органы безопасности в войсках руководствуются в своей деятельности Конституцией РФ, федеральными законами, указами и распоряжениями президента, постановлениями и распоряжениями правительства, иными нормативными правовыми актами, а также международными договорами РФ.

– *Какие задачи выполняют военные контрразведчики?*

– Их спектр достаточно широк, но все они подчинены одной цели: обеспечить безопасность Вооруженных сил. Прежде всего это выявление, предупреждение и пресечение разведывательной деятельности спецслужб и организаций иностранных государств, направленной на нанесение ущерба безопасности Российской Федерации и ее Вооруженных Сил. Кроме того, основные усилия концентрируются на обеспечении защиты сведений, составляющих государственную тайну, о ходе и результатах реализации планов военного строительства в РФ; добывании разведывательной информации об угрозах безопасности России и Вооруженных сил.

– *В принципе подобные задачи всегда решались нашими военными контрразведчиками...*

– Конечно, однако сегодня, с учетом активизации международного терроризма, возросли требования к военной контрразведке по обеспечению безопасности объектов хранения оружия, особенно массового поражения, боеприпасов и взрывчатых веществ. Военная контрразведка во взаимодействии с военной прокуратурой и другими государственными органами противодействует организованной преступности, коррупции, контрабанде, незаконному обороту наркотиков и оружия, другим негативным проявлениям в армии и на флоте.

– *Да, это уже действительно специфика нашего времени.*

– Скажу вам больше: в целом функции органов безопасности в войсках несколько шире, чем функции других контрразведывательных подразделений ФСБ, поскольку в ВС нет своих спецслужб, которые бы занимались оперативно-разыскной деятельностью в интересах борьбы с преступлениями, не относящимися к компетенции ФСБ. Вот почему в армии и на флоте к мнению представителей военной контрразведки прислушиваются, например, при решении вопросов расстановки военных кадров. Она обеспечивает руководство Минобороны и Генштаба, командование на местах информацией о предпосылках к чрезвычайным происшествиям в войсках и возникающих угрозах их безопасности, оказывает помощь в поддержании на должном уровне боеготовности и боеспособности частей и соединений.

– *Все-таки, думается, главная задача этой службы заложена уже в самом ее названии... Скажите, актуальна ли сегодня проблема шпионажа по отношению к Вооруженным силам России?*

– Мероприятия по повышению обороноспособности, в том числе новые разработки вооружений, а также планы строительства и развития военной составляющей России вызывают беспрецедентный интерес и активность иностранных разведок. Скажу, что их деятельность в России на некоторых направлениях приобретает исключительно дерзкий характер. За последние два года по материалам военной контрразведки пресечена шпионская деятель-

ность 16 иностранцев, осуществлявших сбор развединформации в интересах специальных служб и организаций. Отмечается особое стремление иностранных разведок к добычанию информации, касающейся развития стратегических ядерных сил, создания новых образцов вооружений для РВСН. Мы получили информацию о новых формах, методах и тактических приемах разведывательной деятельности ряда зарубежных спецслужб, предметы шпионской экипировки.

– *Все же никакие технические средства хорошего агента не заменят... А как с этим вопросом?*

– Я вас понял. К сожалению, и среди наших граждан, в том числе военнослужащих, встречаются люди, которые пытаются поправить свое материальное положение за счет продажи секретов иностранным спецслужбам и становятся на путь предательства. Только за последние два года органами безопасности в войсках пресечена шпионская деятельность шести агентов и так называемых инициативников, осуществлявших сбор развединформации.

– *Чем оборачивается подобная попытка «заработать»?*

– Вот совсем свежий пример: 29 октября Московским окружным военным судом за государственную измену в форме шпионажа приговорен к 7 годам лишения свободы военнослужащий одного из соединений МВО С. А. Юреня, который был завербован гражданином одной из стран СНГ в интересах польской военной разведки и передал иностранцам сведения о дислокации, подчиненности и вооружении ряда соединений и частей. В настоящее время переданы в суд материалы еще на одного разоблаченного военной контрразведкой российского гражданина, который занимался шпионской деятельностью. Есть и другие примеры, наглядно свидетельствующие о реальности и серьезности угроз безопасности России и ее Вооруженных сил.

– *С какими еще деструктивными, антигосударственными силами приходится бороться военной контрразведке?*

– Их спектр достаточно большой. Ряд из них, ориентируясь на военную сферу, преследует политические цели. Отдельные используют националистические и религиозные факторы...

– *Как понять – «ориентируясь на военную сферу»?*

– Подобные силы и движения рассматривают потенциал ВС как очень действенный рычаг для изменения конституционного строя, оказания давления на политический курс по стабилизации обстановки в стране. Армейская среда – часть общества, которая на законных основаниях владеет современным оружием для защиты суверенитета и территориальной целостности государства.

– *Значит, неизбежны попытки проникновения в эту среду?*

– Да, и только в текущем году военными контрразведчиками выявлена и пресечена противоправная деятельность ряда экстремистски настроенных лиц, не допущено создание трех ячеек радикальных и деструктивных организаций. В частности, осужден к пяти годам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима, в том числе и за возбуждение национальной, расовой и религиозной вражды, военнослужащий по призыву внутренних войск МВД России Шамиль Ахмедов.

– *Как и почему это случилось?*

– Ахмедов поступил на военную службу уже с устойчивыми экстремистскими убеждениями. Он не остановился и в армии – демонстративно выражал негативное отношение к военнослужащим – представителям иных религиозных конфессий, неоднократно инициировал конфликтные ситуации на межнациональной почве, открыто пропагандировал «неполноценность и ущербность» военнослужащих иной национальности, провоцировал оскорбления их национального достоинства. Только вмешательство сотрудников органов

безопасности в войсках способствовало пресечению противоправных проявлений со стороны данного экстремиста, помогло в полной мере изобличить его незаконную деятельность, не допустить более масштабных последствий национальной, расовой и религиозной вражды в воинском подразделении.

– *К сожалению, в России подобные явления становятся весьма опасны, о чем свидетельствует та же Кондопога...*

– Данная сфера противоправных проявлений не имеет государственных границ, а потому военные контрразведчики действуют в тесном взаимодействии с зарубежными партнерами. В частности, в 2006 году совместно с Комитетом национальной безопасности Казахстана пресечена деятельность радикальной ячейки исламского толка, действующей в окружении космодрома Байконур. Ее руководитель, гражданин Казахстана Оразбек, за осуществление экстремистской деятельности приговорен судебными органами сопредельного государства к трем годам лишения свободы.

– *Известно, что подобные настроения нередко подогреваются, скажем так, заинтересованными силами...*

– Да, приходится противостоять в том числе и иностранным спецслужбам, использующим деструктивные силы для дестабилизации обстановки в стране.

– *Можно даже не спрашивать, на кого направлены основные усилия наших недоброжелателей...*

– Конечно, особую озабоченность у нас вызывает распространение националистических идей в молодежной среде. К сожалению, экстремистским проявлениям подвержены и курсанты высших военных учебных заведений – будущий офицерский корпус, костяк армии, от которого в недалеком будущем будет зависеть состояние всех российских ВС. Каковы будут их взгляды, такова будет и атмосфера в войсках.

Поэтому данной категории военнослужащих нами уделяется особое внимание. Мы в очень редких случаях стараемся применять в отношении них так называемые карательные функции. Пытаемся прежде всего вернуть оступившихся на «путь истинный», понимая, что это еще мальчишки, максимализм которых зачастую и используют в своих целях экстремистские и иные деструктивные силы. Конечно, если человек в погонах не изменяет своих ошибочных взглядов и продолжает экстремистскую деятельность, то приходится принимать меры по его увольнению из ВС, ведь армия – не место для таких людей. В ряде случаев может осуществляться и уголовное преследование.

– *Сергей Михайлович, не могли бы вы несколько расшифровать понятие «экстремистская деятельность»?*

– Обращу ваше внимание на такой момент. Имеющаяся в Вооруженных силах материально-техническая база, а также специальные знания, навыки и умения военнослужащих очень привлекательны для экстремистских структур в плане подготовки собственных боевиков. Только один пример: в 2005 году под легендой военно-патриотического воспитания подростков на одном из расположенном в Подмоскovie военных полигонов мужчины в возрасте от 20 до 30 лет проводили стрельбы и осуществляли подготовку по минно-взрывному делу. Военные контрразведчики выяснили, что они все являются членами радикальной организации, преследующей цели изменения конституционного строя РФ. Думаю, цель данных занятий очевидна...

Работа, о которой я рассказывал, лишь незначительная часть деятельности органов военной контрразведки по борьбе с деструктивными и иными антигосударственными силами.

– *Можно сказать, что экстремизм сегодня достаточно тесно связан с терроризмом...*

– Борьба с терроризмом является для Департамента военной контрразведки ФСБ России и органов безопасности в войсках важнейшим приоритетом в оперативно-служебной

деятельности. Вот почему самой серьезной проверкой на зрелость для военных контрразведчиков стали контртеррористические операции в Северо-Кавказском регионе – об этом мы с вами уже говорили. Но обстановка там и по сей день продолжает оставаться сложной, сохраняются постоянные угрозы террористических проявлений, активизации деятельности экстремистских сил. Лидеры международных террористических и экстремистских организаций по-прежнему предпринимают попытки по насаждению идеологии ваххабизма в этом регионе, ставят своим сторонникам задачу любыми путями и средствами «взорвать» обстановку. Одним из объектов их воздействия являются дислоцированные на Северном Кавказе войска. Особую опасность представляют применяемая членами бандподполья тактика партизанской войны, принимаемые меры по восстановлению системы управления, организации каналов поступления денежных средств, оружия и наемников, в том числе через сопредельные государства.

– *Работа по этому направлению – непосредственная задача военной контрразведки?*

– Разумеется. Поэтому в ходе специальных операций военные контрразведчики делали все возможное, чтобы обеспечить выполнение боевых задач. С их участием создавались спецгруппы и оперативно-боевые отряды для ведения разведки на контролируемой боевиками территории, проводки войсковых колонн, выявления и разоружения бандгрупп, обнаружения и вывода из строя их пунктов управления, боевой техники, уничтожения снайперов. Добывались и через командование реализовались сведения о местах расположения засад, минирования коммуникаций, хозяйственных объектов, маршрутов передвижения войск. Не вдаваясь в подробности, скажу, что в боевых условиях контрразведчики проводили и многие другие мероприятия.

– *Каков же результат всех этих мероприятий?*

– Только за последние два года в тесном взаимодействии со спецподразделениями армии и внутренних войск предотвращено 4 диверсионно-террористических акта, обнаружено и уничтожено более 20 баз боевиков и 121 тайник, из которых изъято более 500 единиц стрелкового оружия, свыше 900 тысяч боеприпасов различного калибра, 1576 взрывных устройств, более 1400 килограммов взрывчатых веществ.

Благодаря работе военных контрразведчиков разоблачена и пресечена противоправная деятельность более 10 членов бандформирований, в их числе несколько одиозных бандлидеров. Многие военные контрразведчики стали кавалерами орденов Мужества и «За военные заслуги». Звания Героя России удостоены шесть сотрудников, двое из них – посмертно.

– *Вы сказали, что одна из важнейших задач военных контрразведчиков – борьба с коррупцией и злоупотреблениями. Можно подробнее?*

– В последнее время проблема борьбы с коррупцией и организованной преступностью в войсках и на флоте приобрела особую актуальность в связи со значительным увеличением финансовых и материальных средств, выделяемых на оборону и реформирование военной организации государства. Кроме того, «коррупционеры в погонах», в первую очередь из числа высокопоставленных должностных лиц, дискредитируют Вооруженные силы, наносят ущерб обороноспособности страны.

– *Так что же конкретно делает военная контрразведка?*

– Прежде всего уточню, что свою работу на данном направлении военные контрразведчики осуществляют в тесном контакте с руководством ВС, командованием на местах, военной прокуратурой, военными следственными органами и другими правоохранительными структурами. Только в период 2006–2007 годов по материалам органов безопасности в войсках возбуждено более 600 уголовных дел в отношении коррупционеров и расхитителей бюджетных средств, выделяемых на оборону. Предотвращено нанесение ущерба на сумму свыше 4 миллиардов рублей. В доход государства обращено денежных средств и ценных

бумаг на сумму более 500 миллионов. По материалам военной контрразведки за преступления, предусмотренные различными статьями УК РФ, осуждено свыше 400 человек.

– *Цифры впечатляют, а каковы конкретные факты? Не списываются ли все грехи на «стрелочников»?*

– Судите сами: я приведу некоторые примеры пресечения противоправной деятельности должностных лиц. Так, приговорен к двум с половиной годам лишения свободы с отбыванием наказания в колонии-поселении бывший начальник тыла Тихоокеанского флота генерал-лейтенант В. В. Мачальник. К 3 годам лишения свободы и штрафу приговорен бывший начальник Екатеринбургского артиллерийского института генерал-майор С. Л. Шпангель. За превышение должностных полномочий и нанесение ущерба государству на сумму более 12 миллионов рублей осужден на полтора года лишения свободы начальник Центрального продовольственного управления Минобороны России генерал-лейтенант А. П. Петриченко. А недавно – 28 июня – Московским окружным военным судом за злоупотребления в финансовой сфере приговорен к 8 годам лишения свободы с лишением воинского звания полковник, бывший заместитель начальника Управления капитального строительства и инвестирования Минобороны России В. П. Доронин. Чуть позже, 1 августа, тем же судом за злоупотребления в финансовой сфере приговорен к 8 годам лишения свободы, штрафу в размере 300 тысяч рублей, лишен воинского звания полковник и государственных наград бывший главный бухгалтер – заместитель начальника финансового управления ВВ МВД России С. А. Юрасик. Удовлетворен иск на взыскание с него ущерба в размере свыше 4,7 миллиона рублей.

– *Факты впечатляют – работа проводится очень серьезная...*

– Добавлю, что по информации органов военной контрразведки только в текущем году было возбуждено более 40 уголовных дел в отношении сотрудников военкоматов – в первую очередь за злоупотребления в период призыва граждан на военную службу. Профилактическая работа способствовала существенному оздоровлению обстановки в этих воинских коллективах.

– *Из вашего рассказа следует, что большинство своих задач военные контрразведчики решают во взаимодействии с руководством ВС, командирами различных степеней...*

– Да, эффективная организация такого взаимодействия – одно из неперенных условий успешного решения задач обеспечения безопасности Вооруженных сил. Особые отделы с момента своего образования осуществляли свою деятельность в тесном взаимодействии с военным командованием. Именно полное взаимопонимание сотрудников военной контрразведки с командованием способствовало надежному обеспечению безопасности войск. В свою очередь, командование постоянно ощущало помощь особых отделов в решении военных задач. Такой подход стал одним из основополагающих принципов работы, которому органы военной контрразведки строго следуют и сегодня.

– *Но вот, например, в ряде художественных фильмов, вышедших недавно на экран, подчеркивается антагонизм между командирами и особистами или сотрудниками «Смерша»...*

– Извините, ерунда все это – вы побеседуйте с ветеранами военной контрразведки! Я со всей ответственностью отмечу, что руководство Минобороны и командование на местах понимает роль военной контрразведки и важность решаемых ею задач, адекватно реагирует на принимаемые меры по обеспечению безопасности войск. Через вашу газету хочу высказать благодарность военным руководителям всех уровней за помощь и поддержку, которую они оказывают органам безопасности в войсках в создании благоприятных условий работы, обеспечении положенными видами довольствия!

– *Сегодня органы военной контрразведки взаимодействуют и с иностранными спецслужбами – в каких направлениях?*

– Уточню, что в соответствии с Указом Президента от 7 февраля 2000 года «Об утверждении Положения об управлениях (отделах) Федеральной службы безопасности Российской Федерации в Вооруженных силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах (органах безопасности в войсках)» Департамент военной контрразведки и органы безопасности в войсках наделены правом поддерживать на основе международных договоров РФ контакты со спецслужбами иностранных государств, с которыми осуществляется сотрудничество в военной области или на территории которых дислоцируются объединения, соединения и воинские части ВС РФ, других войск, воинских формирований и органов. При установлении и поддержании контактов с иностранными партнерами мы прежде всего ориентируемся на перспективные планы Минобороны России, отражающие важнейшие внешнеэкономические и военно-политические приоритеты Российской Федерации по развитию связей с вооруженными силами зарубежных государств.

– *Вы можете сказать, с какими именно государствами?*

– В настоящее время российская военная контрразведка поддерживает официальные контакты с органами безопасности и спецслужбами всех государств – участников СНГ, а также с органами военной контрразведки ряда государств дальнего зарубежья.

– *Какова цель этих контактов, какие задачи решаются в ходе взаимодействия, каковы перспективы этой работы?*

– Практика работы свидетельствует о необходимости дальнейшего развития международных связей с инопартнерами для максимального использования совместного оперативного и иного потенциала в целях надежного обеспечения безопасности как самих Вооруженных сил, так и наших воинских формирований, дислоцированных за рубежом. Поэтому мы уделяем постоянное внимание совершенствованию работы по организации сотрудничества с иностранными партнерами, вносим необходимые коррективы в этот процесс. Так, в настоящее время создана нормативная правовая база сотрудничества, которая служит долговременной основой и непосредственно применяется в практической работе при организации работы с инопартнерами по различным аспектам контрразведывательной деятельности.

– *Если попросить вас конкретизировать сказанное...*

– ...то могу уточнить, что сотрудничество приобрело устоявшиеся формы, главными из которых на сегодняшний день являются обмен текущей информацией и запросами по оперативным проблемам, проведение согласованных оперативно-разыскных мероприятий и рабочих встреч.

– *Вопросов нет. Но думаю, они возникли у наших читателей. Главный – такой: как становятся военными контрразведчиками? Что нужно для того, чтобы стать сотрудником ДВКР ФСБ России?*

– Прежде всего уточню, что военные контрразведчики – это военнослужащие, проходящие военную службу по контракту в Федеральной службе безопасности Российской Федерации. Специфика их работы неразрывно связана с ВС России, другими войсками, воинскими формированиями и органами, в которых законом предусмотрена военная служба. Военными контрразведчиками могут стать военнослужащие и лица из числа гражданской молодежи, прошедшие специальный отбор и обучение в учебных заведениях ФСБ России.

– *В каких именно?*

– В таких, как Академия ФСБ России и институты ФСБ России... Здесь будущим сотрудникам военной контрразведки преподают азы и прививают навыки оперативной работы в органах Федеральной службы безопасности. Военные контрразведчики обязаны действовать в соответствии с законом, и поэтому им необходимо хорошее знание законодательства.

– *Какие личные качества необходимы человеку, решившему связать свою жизнь со службой в военной контрразведке?*

– Для успешного выполнения служебных задач военный контрразведчик должен обладать наблюдательностью, способностью анализировать события, уметь подмечать и улавливать внешние проявления внутреннего мира людей, понимать их чувства, переживания, побуждения, мотивы и цели, распознавать психические свойства личности. Учтите, что их деятельность прежде всего связана с выявлением, предупреждением и пресечением особо опасных государственных преступлений. Сотрудники военной контрразведки находятся на переднем крае борьбы с терроризмом, спецслужбами иностранных государств, преступными лицами и группировками. В силу этого работать им зачастую приходится в экстремальных условиях, требующих от человека большой личной смелости, находчивости, настойчивости, хорошей памяти, умения быстро и хладнокровно принимать решения, высокого уровня самоорганизованности и эмоциональной устойчивости... Если молодой человек обладает данными качествами, чувствует в себе силы и способности для такой работы – думаю, особых проблем с поступлением на службу в ДВКР ФСБ России у него не будет.

– *Спасибо большое, Сергей Михайлович, за ваш рассказ! Позвольте от коллектива «Красной звезды», от наших читателей поздравить вас и в вашем лице всех сотрудников ФСБ России с Днем работника органов безопасности! Ну а наших друзей, военных контрразведчиков, еще и с сегодняшним профессиональным праздником!*

Герои «Смерша»

«Мы помним своих героев»

Эту беседу корреспондент «Красной звезды» провел с руководителем Департамента военной контрразведки ФСБ России генерал-полковником Александром Георгиевичем БЕЗ-ВЕРХНИМ в канун празднования 60-летия легендарной военной контрразведки «Смерш».

— Александр Георгиевич, хотя общеизвестно, что Великая Отечественная война началась 22 июня 1941 года, очевидно, что военная контрразведка вступила в бой гораздо раньше?

— Конечно, «тайная война» германских спецслужб против нашей страны и Вооруженных сил началась задолго до нападения на СССР. Перед Абвером стояла задача детально изучить состояние Красной армии и развернуть против нее тотальную шпионско-диверсионную деятельность... Достаточно сказать, что в 1940-м и первой половине 1941-го года органами госбезопасности, включая особые отделы, было ликвидировано 66 резидентур германской разведки, разоблачено свыше 1600 агентов.

— Сколько же их всего было тогда, это известно?

— Думаю, ненамного больше. Абверу не удалось создать внутри СССР устойчивую разведывательную сеть, обеспечить вермахт достоверной информацией о его военной мощи. Когда же война началась, то в соответствии со стратегией «блицкрига» немецкая разведка сосредоточила свои основные силы и средства в зоне боевых действий и в ближайшем тылу советских войск.

— То есть в зоне ответственности военной контрразведки. Кстати, что это был за противник, из кого вербовались агенты?

— Агентура, приобретенная абвером в преддверии войны, состояла в основном из белоэмигрантов, работавших по идейным соображениям. Но длительный их отрыв от обстановки в нашей стране делал их заметными среди советских военнослужащих и населения. К концу 41-го эти агентурные кадры были в основном обезврежены сотрудниками особых отделов...

— Но ведь абвер не завершил на том свою работу...

— Разумеется. Теперь основным источником пополнения его агентуры становятся попавшие в плен советские военнослужащие.

— Неужели оказалось много желающих?

— Не совсем так. В большинстве своем оказавшиеся в плену советские военнослужащие были враждебно настроены к немецкой разведке и искренне не желали с ней сотрудничать. Уязвимость таких агентов еще более возросла, когда противник отказался от индивидуальной подготовки шпионских кадров в пользу их массовой засылки в распоряжение советских войск. Например, обучающиеся агенты знали друг друга, и это было использовано особистами. Поэтому в ходе одной лишь Ленинградской оборонительной операции Особым отделом фронта было обезврежено свыше 650 шпионов и диверсантов.

— «Массовая засылка», если в цифрах, это что значит?

— В марте 1942 года, например, через линию фронта было заброшено агентов вдвое больше, чем в 1941 году...

— А что за асы контрразведки противостояли абверу?

— Асами они стали потом. В основном это были призванные представители мирных профессий: учителя, агрономы, инструктора обкомов и горкомов комсомола, которые получали образование «с колес». Но они — старшие лейтенанты, капитаны, майоры — были пат-

риотами, и потому, наверное, у них все получалось, они смогли превзойти специалистов абвера. Мы сегодня восхищаемся тем, как они работали!

– *Вы говорили об абверовской агентуре, а что представлял собой кадровый состав военной разведки рейха?*

– Абвер, считаю, был одной из наиболее мощных спецслужб тех времен, да, наверное, и в последующем. Его сотрудники были профессионально подготовлены, и средства у них были соответствующие. Все же Гитлер не имел достоверной агентурно – подчеркиваю! – агентурно полученной информации из советского Генштаба, Ставки ВГК. Это, я думаю, лучшее свидетельство успешной работы советской военной контрразведки... Зато наши особые отделы с первых же дней войны вели против абвера зафронтую работу. Так, по линии Особого отдела Юго-Западного фронта в тылу противника действовали около 400 наших агентов. Зафронтая работа носила в этот период больше военно-разведывательный характер. Благодаря развернутой агентурной сети «Смерша» имел достоверную информацию, и в первую очередь на подходах к основным секретам Гитлера.

– *Что означает понятие «зафронтая работа»?*

– Главные задачи этой работы – агентурное проникновение к планам и секретам противника, получение упреждающей информации о его диверсионно-террористических устремлениях по отношению к нашей армии. «Смершу», в частности, удалось иметь уникальные, на мой взгляд, агентурные позиции в центре, в самом сердце абвера. Она дала возможность агентурным путем получать достоверную информацию о планах немцев – например, то, что они пытались совершить покушение на Сталина, а также осуществить сотни, тысячи других террористических актов. И это им не удавалось! Силами контрразведки, силами «Смерша» удалось добыть стратегическую информацию об основных замыслах Гитлера, и Ставка имела упреждающую информацию обо всех планах, намерениях, направлениях удара противника. Представьте, сколько жизней было сохранено, какая серьезная помощь была оказана фронту.

– *Почему этим занималась именно военная контрразведка?*

– Это – одна из ее закономерных функций во время боевых действий. Не раскрою большую тайну, сказав, что в мирное время любая контрразведка готовит силы и средства для зафронтую работы. Так, кстати, определено мировой практикой, а совсем не нами придумано... С позиции воюющей армии, в ее интересах наша военная контрразведка и проводила зафронтую работу.

– *Почему в 1943 году возникла необходимость создания контрразведки «Смерш» в структуре Наркомата обороны?*

– Решение о создании Главного управления контрразведки «Смерш» НКО СССР было смелым и вполне оправданным, оно логично вытекало из сложившейся к тому времени обстановки на советско-германском фронте: Московская битва сорвала план «молниеносной войны», под Сталинградом из рук противника была вырвана стратегическая инициатива, однако его спецслужбам еще не был нанесен смертельный удар. Поэтому на решающем этапе войны надо было объединить руководство двумя важными сферами – обороной страны и безопасностью войск, должным образом скоординировать работу военных контрразведчиков и командования, повысить эффективность контрразведывательного обеспечения планируемых операций войск путем применения преимущественно наступательных методов борьбы. Вот почему 19 апреля 1943 года постановлением Совнаркома СССР № 415–138 Управление особых отделов, а также Морской отдел были изъяты из ведения НКВД. На их базе образовывались Главное управление контрразведки НКО «Смерш» – «Смерть шпионам», и несколько позднее – Управление контрразведки «Смерш» Наркомата ВМФ.

– Не получилось ли так, что военная контрразведка вышла из единой контрразведывательной системы, существовавшей в структуре НКВД – в ту пору уже Наркомата государственной безопасности, оторвалась от нее?

– Нет, не думаю. В руках Сталина появился как бы еще один инструмент, который давал ему возможность более полно владеть стратегической информацией. Начальник Главного управления контрразведки «Смерш» генерал-полковник Абакумов являлся заместителем наркома обороны, то есть Сталина, и подчинялся непосредственно ему.

Той развединформацией, которую получал «Смерш», порой нужно было распорядиться мгновенно. А это можно было только в том случае, если высшее должностное лицо, получавшее информацию, имело право ею распоряжаться.

– Какие конкретные задачи возлагались на органы «Смерша»?

– Они указаны в том же постановлении: борьба со шпионской, диверсионной, террористической деятельностью иностранных разведок; принятие совместно с командованием мер, исключающих возможность безнаказанного прохода агентуры противника через линию фронта, с тем чтобы сделать ее непроницаемой для шпионских и антисоветских элементов; борьба с предательством и изменой Родине в частях и учреждениях Красной армии; борьба с дезертирством и членовредительством на фронтах; проверка военнослужащих и других лиц, бывших в плену и в окружении противника; а также «выполнение специальных заданий народного комиссара обороны».

– Сейчас, шесть десятилетий спустя, как можно оценивать правильность такого решения?

– Никаких сомнений тут быть не может: именно на 1943–1944 годы приходится пик активности германских спецслужб. Объем и расширение масштабов их разведывательно-подрывной работы требовали организационной перестройки деятельности органов военной контрразведки...

– Александр Георгиевич, а нельзя ли более конкретно? В чем именно, на ваш взгляд, состоит заслуга «Смерша»?

– Военная контрразведка, в том числе органы «Смерш», с честью выполнила все возложенные на нее задачи. В ожесточенной схватке с абвером и «Цеппелином» она показала полное свое превосходство и тем самым внесла свой достойный вклад в победу в Великой Отечественной войне.

– Простите, это вы выражаете мнение нашей стороны?

– Так считаем не только мы. Бывший личный помощник адмирала Канариса – Оскар Райли, характеризуя деятельность советской военной контрразведки, признает, как бы оправдываясь: «Абвер оказался не подготовленным к противоборству с этой хорошо обученной и в количественном отношении многократно превосходившей службой противника».

– «Многократно превосходившая»... Это сколько же тысяч оперативных работников было тогда в нашей военной контрразведке?

– Не сотни, не десятки – всего несколько тысяч, при желании несложно сосчитать. Так, в штате дивизии, которая шла на фронт, в составе особого отдела был 21 человек, включая коменданта, шифровальщика и секретаря. Примерно на тысячу бойцов – один опер... Перемножьте на общее количество дивизий – много?

– Не думаю... А каковы конкретные результаты их работы?

– За годы войны ими было обезврежено более 30 тысяч шпионов, около трех с половиной тысяч диверсантов и свыше шести тысяч террористов. Невозможно представить степень вероятного ущерба для Вооруженных сил, для страны, если бы все агенты регулярно докладывали противнику о сосредоточении и передвижении войск, о замыслах советского командования и готовящихся операциях, если бы были совершены все запланированные диверсии и теракты в расположении и на фронтовых коммуникациях.

– *Читателей всегда интересуют яркие примеры...*

– Пожалуйста. Управлением контрразведки Карельского фронта была проведена операция по внедрению в разведывательно-диверсионную школу германской разведки в Петро-заводске военнослужащего С. Д. Гоменюка – под видом перебежчика. Потом он был оставлен в школе в качестве инструктора, немецкое командование наградило его медалью «За заслуги» II степени. А в результате Гоменюк передал органам «Смерша» подробные сведения на обучающихся в школе агентов. В октябре 1944-го Управлением контрразведки «Смерш» 2-го Прибалтийского фронта была проведена сложная чекистская операция по захвату секретных документов и картотеки агентуры немецкого шпионского центра в Риге. Боевую группу возглавил капитан М. А. Поспелов. За проведение этой дерзкой операции капитан и члены группы были представлены к государственным наградам, но самого командира тогда отправили раненого в госпиталь, и его награждение в спешке наступления не состоялось... Только лишь в 1975 году почетный сотрудник госбезопасности майор в отставке Поспелов получил орден Красного Знамени – за боевые подвиги в годы войны.

– *Вы вспомнили о сорванной «Смершем» операции по физическому уничтожению Верховного главнокомандующего – Сталина...*

– Такая попытка была предпринята в 1944 году, исполнителями этой акции были немецкие агенты Таврин, бывший командир взвода Красной армии, изменивший Родине в 1942 году, и его напарница Шилова, выступавшая в качестве радистки. Террористы уже сидели в тюрьме, а в адрес «Цепелина» продолжала идти радиоинформация о том, что они успешно ведут подготовку к выполнению полученного задания.

– *Пытались ли гитлеровцы устранить еще кого-либо из нашего высшего военного руководства?*

– Конечно. Летом 1943-го военные контрразведчики разоблачили фашистского агента, имевшего задание убить командующего войсками Ленфронта генерала Говорова.

– *Известно, что армейские контрразведчики участвовали в боях, подавая пример храбрости, стойкости, инициативы, вместе с бойцами и командирами делили все тяготы окопной жизни.*

– Да, это так. К примеру, исключительное мужество чекиста сочетал с отвагой воина старший оперуполномоченный особого отдела 40-й гвардейской дивизии М. М. Якушев. В июне 1943 года, когда наши подразделения, штурмовали вражеские позиции на реке Миус, Якушев прибыл туда по делам службы. Неожиданно гитлеровцы контратаковали роту, и, когда вышел из строя пулеметный расчет, место за пулеметом занял чекист. Он отбивал все атаки и геройски погиб в бою. Бессмертный подвиг совершили в 1942 году на Западном фронте 23 военных чекиста. Посланные на выполнение задания, они вступили в неравный бой с фашистским отрядом численностью 400 человек и стояли насмерть, уничтожив около половины вражеских солдат и офицеров... Черноморский чекист П. М. Силаев и его жена, находясь на мысе Херсонес, не успели эвакуироваться и были захвачены в плен. Когда их привели на допрос, отважный контрразведчик взорвал спрятанные у него две гранаты, уничтожив немецкого генерала и нескольких офицеров. Герой погиб вместе со своей женой.

– *Да, такие примеры убедительнее всего опровергают те сплетни и домыслы, которыми у нас порой окружают военную контрразведку и ее сотрудников...*

– Знаете, не надо об этих сплетнях – наслышаны, более чем. Военная контрразведка карательными акциями не занималась, репрессии на фронте не осуществляла. О характере и направленности выполнявшихся ею задач говорит хотя бы уже то, что более шести тысяч армейских чекистов погибли при выполнении заданий органов госбезопасности, командования.

– *Но помнят ли о героях и традициях «Смерша» российские военные контрразведчики? У нас ведь сегодня многое позабыто – нередко и сознательно.*

– Скажу, что «Смерш» – наша живая легенда. Деятельность военных контрразведчиков в период Великой Отечественной войны – это богатый источник чекистских знаний и опыта. Контрразведывательное искусство тех лет, чекистские традиции складывались в огне боев, когда решались судьбы страны и народа, и все личное уходило даже не на второй, а на какой-нибудь десятый план, и каждый человек проявлялся в самой своей сути.

– *Используются ли сегодня в органах военной контрразведки опыт «Смерша», его боевые традиции?*

– Судите сами: в 1960–1980 годах органам военной контрразведки удалось разоблачить целый ряд агентов иностранных спецслужб из числа военнослужащих. Среди них – Васильев, Иванов, Поляков, Сметанин, Филатов, Чернов и некоторые другие. Немало контрразведчиков получили боевую закалку, обеспечивая безопасность Ограниченного контингента Советских войск в Афганистане, продемонстрировали яркие образцы мужества, отваги и преданности долгу. Сотруднику Особого отдела 40-й армии капитану Б. И. Соколову присвоено звание Героя Советского Союза.

– *Но это события более чем пятнадцатилетней давности...*

– Согласен. К счастью, нам и сегодня есть что защищать – есть секреты, есть много положительных тенденций в Вооруженных силах; но есть и острые, уязвимые моменты, объективную информацию о которых можно получить именно силами и средствами контрразведки. Одна из наших задач – докладывать руководству страны о том, что реально происходит в армии.

– *Вы можете рассказать об этом нашим читателям?*

– Конечно. Реальность такова, что есть шпионы, террористы, есть серьезные проблемы, связанные с преступностью, в том числе и с экономической, – нам безразлично, как расходуется военный бюджет. В одном из интервью министр обороны говорил про «казарменный бандитизм» – считаю, что мы должны принять самое активное участие и в его искоренении.

– *При чем же здесь военная контрразведка?*

– Это опять-таки одна из наших задач – вместе с командованием, с военными прокурорами объективно оценивать реальные угрозы безопасности Вооруженных сил и наводить порядок.

– *Военным контрразведчикам сегодня приходится участвовать и в боевых действиях?*

– Да, серьезным испытанием для нас является участие в проведении контртеррористической операции на Северном Кавказе. В боях с бандформированиями пали смертью храбрых капитан А. К. Лахин, майоры Г. М. Медведев, К. М. Милованов... Десятки наших сотрудников получили ранения. За мужество и героизм, проявленные при исполнении служебного долга, капитанам Сергею Г. Ромову и Игорю Яцкову присвоено звание Героя Российской Федерации – посмертно.

– *Понятно, что военные контрразведчики не просто продолжают, но и приумножают боевые традиции «Смерша». А вот скажите, Александр Георгиевич, какие контакты поддерживает ваш департамент со своими ветеранами?*

– Прежде всего ветеранам «Смерша» принадлежит большая роль в обобщении и распространении опыта военных контрразведчиков в годы войны, в воспитании молодых чекистских кадров, за что я хочу поблагодарить и всех председателей советов ветеранов военной контрразведки, чекистов-фронтовиков... Могу рассказать о проведенных мероприятиях – например, состоялась встреча военных контрразведчиков московской зоны с чекистами – участниками Сталинградской битвы; о написанных нашими ветеранами книгах и статьях. Но, может быть, еще более важна для нас, как действующих военных контрразведчиков, так и ветеранов, установившаяся между нами дружеская, в полном смысле сердечная связь. Ветераны очень внимательно смотрят за нашим профессиональным почерком.

Поэтому два-три раза в год, перед Днем Победы и когда проводятся отчетно-плановые мероприятия в ветеранской организации, меня приглашают выступить, довести информацию о том, что мы делаем. Я стараюсь говорить предельно откровенно, чтобы это была не формальная, а интересная им встреча, – и по глазам, по настроению ветеранов вижу, что они одобрительно относятся к тому, как мы работаем.

– *Простите, и что – совсем не критикуют?*

– Ну, всякое бывает. Хотя, если говорить честно, они порой с трудом понимают, как у нас сегодня – в непростых нынешних условиях – получаются серьезные результаты. Чествование ветеранов нередко проходит у меня в кабинете, в присутствии моих заместителей, представителей ветеранской организации, молодых оперативных сотрудников. Мы высказываем ветеранам слова благодарности, вручаем, естественно, сувениры и памятные адреса, насколько позволяет время – общаемся в «неформальной обстановке». Видели бы вы лица этих замечательных стариков! После таких встреч они становятся моложе и счастливее. Они понимают, что жизнь прожита не зря и что они нужны людям, своим коллегам, своим наследникам – продолжателям их славных дел и традиций.

Ветераны вспоминают

Легендарный Смолячков

В августе 1941 года в Ленинграде было сформировано несколько дивизий народного ополчения (ДНО), в одну из которых я был назначен начальником особого отдела. В ночь с 10 на 11 сентября поднятые по боевой тревоге части нашей 5-й дивизии заняли огневые позиции на рубеже Пулково – Урицк и с рассветом вступили в бой. Народные ополченцы понесли очень серьезные потери, но остановили гитлеровцев. Вскоре ДНО были переформированы в регулярные войсковые соединения – наша дивизия стала именоваться 13-й стрелковой. Кстати, именно в ней возникло снайперское движение на Ленинградском фронте.

И было это так. Однажды в декабре 1941 года ко мне обратился мой ординарец – солдат по фамилии Слухай – и сказал, что кто-то унес его револьвер системы «наган». Мною было выяснено, что это сделал солдат штабной роты Феодосий Смолячков. Я с ним побеседовал. Смолячков рассказал, что до войны он занимался в стрелковом кружке, отлично стрелял из винтовки с оптическим прицелом, имеет значок «Ворошиловский стрелок». Затем заявил: «Я хочу попасть на передний край, а винтовки с оптическим прицелом нет, поэтому и надеялся воспользоваться этим наганом и уничтожить хотя бы несколько немецко-фашистских извергов».

Взяв с собой Смолячкова, я зашел в землянку командира дивизии генерала Зайцева. Комдив поговорил с солдатом и одобрил его намерение бить фашистов.

Смолячкову выдали винтовку, сначала обычную, затем – с оптическим прицелом, белый маскхалат, и он с напарником каждое утро ходил на передний край, уничтожал фашистов прицельным огнем. Так продолжалось около двух месяцев, пока вражеская пуля не сразила этого отважного солдата. Посмертно, первым из снайперов Феодосий Смолячков был удостоен звания Героя Советского Союза. Его похоронили с воинскими почестями – под оркестр и с ружейным салютом. Его именем ныне назван поселок в Ленинградской области.

У Смолячкова, как известно, нашлось много последователей на Ленинградском фронте и во всей Красной армии. Так, например, я хорошо знаю, что при активном участии нашего армейского чекиста Дмитрия Дмитриевича Таевере, ныне полковника в отставке, в роте особого отдела 67-й армии была создана группа снайперов во главе с командиром роты, в прошлом отличным стрелком спортивного общества «Динамо» Андреем Монаховым. Эта группа только за полчаса метким огнем уничтожила 752 гитлеровца. Об этом в конце 1943 года рассказала газета Ленинградского фронта «На страже Родины»

Павел БЛИНОВ

«Ракетчик»

С декабря 1941-го и до мая 1942 года, то есть всю самую тяжелую блокадную зиму, мне довелось проводить контрразведывательную работу на кораблях экспедиции подводных работ особого назначения (ЭПРОН). Размещался я тогда на спасательном корабле «Нептун» у моста Лейтенанта Шмидта на Неве.

Однажды ко мне обратился мичман с «Нептуна» и рассказал, что в первые месяцы войны к его жене в Ленинград приехал брат – как и она, финн по национальности. С некоторых пор они с женой стали замечать, что этот родственник тайком проникает на чердак – как правило, по ночам. Мичману удалось незаметно осмотреть чердак, где он обнаружил тайник с револьвером, ракетницей, сигнальными патронами и какими-то бумагами, которые он не

читал. Поскольку было известно, что фашистское командование при бомбежках Ленинграда активно использовало специальных ракетчиков-диверсантов, которые запускаемыми ракетами, особенно в ночное время, указывали вражеским самолетам важные объекты, сообщению мичмана было придано большое значение и приняты меры к его проверке. Приглашенная на беседу жена мичмана призналась, что ее брат ждет прихода немцев в Ленинград, чтобы, как он заявлял, «вешать и расстреливать коммунистов». С санкции прокурора был проведен обыск на чердаке, где были обнаружены не только револьвер и ракетница, но и список руководящих работников Ленинграда с их адресами.

Арестованный брат жены мичмана сознался, что по заданию немецкого командования указывал из ракетницы объекты для бомбежки немецким самолетам, а списки коммунистов хранил, чтобы передать их фашистам, когда те придут в Ленинград.

Обстоятельства разоблачения агента-«ракетчика», ждавшего прихода немцев, были проанализированы как пример проявления политической бдительности на сборе командиров и политработников частей Ленинградского гарнизона, где мне пришлось присутствовать. Я был горд, что крупица и моего труда стала вкладом в общее дело.

Капитан 1 ранга в отставке Михаил ВЕСЕЛОВ

Псевдоним Звезда

В начале 1942 года нами был подобран разведчик для внедрения в Рованиемскую шпионскую школу – Олег Константинович Сожинский, 26-летний радиоинженер из Смоленска, – оперативный псевдоним Звезда. В то время я был начальником контрразведывательного отделения особого отдела 14-й армии и потому непосредственно готовил его для работы в логове врага. Обращали на себя внимание его смывленность, хорошая память, умение подвергать критическому анализу свои поступки, осмотрительность, общительность, способность входить в доверие к собеседнику. Вместе с Сожинским мы разработали легенду и тактику его поведения при первом допросе у немцев и в последующем при возможном пребывании его в лагере военнопленных. Мы не скрывали от него, что при нахождении в стане опытных и коварных абверовских разведчиков не исключается применение к нему жестокости, вплоть до имитации расстрела и других тяжелых испытаний.

– Все это, – говорил Сожинский, – я сознаю и готов выдержать, но задание выполняю. А смерти не боюсь.

Для ознакомления с уровнем подготовки Сожинского в Мурманск приехал начальник контрразведывательного отделения особого отдела Карельского фронта Семен Иванович Холево. В беседе с Сожинским он порекомендовал ему, как лучше привлечь к себе внимание офицеров абвера. Были обсуждены некоторые особенности поведения при контактах с абверовцами.

В конце апреля 1942 года мы с С. И. Холево доставили Сожинского в закрытой автомашине на передовую линию Мурманского направления и в сумерках пробуждающегося заполярного дня, в заранее определенном районе направили его через линию фронта. Тепло перед этим простились и пожелали благополучного и успешного возвращения. Последние слова произносились в боевой обстановке, при разрывах артиллерийских снарядов, мин, вблизи немецких траншей, хорошо нами просматриваемых. Примерно через 10 минут мы с С. И. Холево облегченно вздохнули, уверенные, что если судьба не закапризничает, не подведет, то Звезда удачно выполнит свое многогранное и трудное задание.

Спустя пять месяцев разведчик Сожинский возвратился из вражеского тыла. В то время я получил новое назначение – начальника 2-го отделения особого отдела Карельского фронта – и находился в Беломорске, но в связи с возвращением Сожинского по указанию начальника особого отдела фронта генерал-майора Сиднева на военном самолете прибыл в

Мурманск. Встреча с разведчиком была теплой и радостной. Он рассказал, как, оказавшись в немецком плену, выдержал жестокую проверку, не поддавшись на провокационные попытки гитлеровцев склонить его к признанию связи с советской разведкой или контрразведкой.

В конце концов он был завербован и направлен в Рованиемскую школу. После курса обучения абверовцы направили его со шпионскими заданиями в расположение наших войск. Он в деталях рассказал о шпионско-диверсионной школе. От Сожинского были получены описания примет и других характерных данных на курсантов школы, преподавателей и инструкторов, в том числе на ее начальника капитана Альфреда Ройтера. Не ускользнуло от внимания разведчика и такое обстоятельство. От одного из инструкторов ему стало известно, что зимой 1941/1942 года в школе побывал какой-то важный инспектор в гражданской одежде. Вскоре после его отъезда начальник школы той поры майор Паатсола, по национальности финн, и был заменен капитаном Ройтером. Имеются основания полагать, что упомянутым инспектором был генерал-лейтенант Ганс Пиккенброк – начальник отдела абвер-1 (разведка), сопровождавший адмирала Канариса во время его поездки в Финляндию.

Прямым результатом вояжа адмирала Канариса в Финляндию явилась реализация задуманной тогда фашистским командованием масштабной шпионско-диверсионной операции в глубоком тылу южного фланга Карельского фронта.

31 августа и 1 сентября 1942 года наземными постами службы воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС) 7-й воздушной армии Карельского фронта были отмечены полеты одиночных немецких «юнкерсов». Поступили также сигналы о выброске этими самолетами парашютистов вблизи железной дороги Вологда – Архангельск, предположительно в Коношском районе Архангельской области.

В соответствии с установленным порядком оперативный дежурный штаба 7-й воздушной армии сообщил об этом дежурному по особому отделу армии, а последний немедленно доложил мне – в то время я уже был заместителем начальника особого отдела 7-й воздушной армии. По согласованию с руководством особого отдела Карельского фронта и с разрешения командующего воздушной армией генерал-майора авиации И. М. Соколова командование 5-го отдельного авиаполка выделило самолет Р-5. На нем в район предполагаемой выброски парашютистов вылетели офицер разведки штаба полка и армейский чекист капитан П. Н. Любимов. При вторичном полете удалось заметить скрывавшуюся в лесу группу из 4–5 человек, которые предположительно и были парашютистами. Вскоре местными органами госбезопасности Управления НКВД Архангельской области с участием истребительных отрядов и войсковых подразделений было установлено, что немецкая разведка выбросила на парашютах две тщательно подготовленные шпионско-диверсионные группы в составе 13 агентов. При их розыске и преследовании четверо были убиты, а остальные задержаны. Были захвачены радиопередатчики, шифры, оружие и другое снаряжение. Как выяснилось впоследствии, создание и подготовка этой группы проводилась по личному указанию шефа абвера адмирала Канариса.

Планами немецкого и финского командования и абвера одна из групп после выброски на парашютах должна была в течение месяца подготовить условия для высадки мощного воздушного десанта на территорию Коношского, Ляпдомского и Каргопольского районов, имеющего в составе даже моторизованные армейские подразделения. Главная цель десанта состояла в том, чтобы в октябре 1942 года на значительном участке овладеть единственной в этих местах железной дорогой и таким образом отрезать весь Карельский фронт – около 300 тысяч наших войск – от Архангельска. А затем развивать наступление на Вологду и далее на Ярославль, то есть восточнее Москвы. Однако замыслы немецкого и финского командования и гитлеровской военной разведки по использованию шпионско-диверсионной операции для решения военно-стратегических задач на Карельском фронте оказались несостоятельными. Они были сорваны усилиями военных чекистов с участием истребительных отрядов, воин-

ских подразделений и с помощью местного населения. В течение двух месяцев вражеская шпионско-диверсионная группа была ликвидирована.

Полковник Тимофей ЧИЖЕВСКИЙ

«Руки прикажите отмыть!»

Никогда не забуду, как с помощью старого, опытного чекиста, бригадного комиссара Александра Георгиевича Шашкова, мне, тогда еще молодому, неопытному оперработнику, удалось впервые в жизни разоблачить трех матерых немецких шпионов. Это было в самом начале 1942 года, накануне начала наступательной операции нашей 2-й ударной армии.

Ко мне привели троих человек, которые заявили, что ночью под огнем бежали через реку Волхов с фашистской каторги. Их рассказ об обстоятельствах побега подтверждался целым рядом объективных данных: действительно, ночью немцы неожиданно открывали огонь, бросали осветительные ракеты, на одном из задержанных была прострелена шапка, на другом – ватник. Никаких противоречий в их показаниях не было. Я уже подумывал, не отправить ли их в тыл, на проверку – в это время много советских людей бежало от оккупантов.

Как раз тогда ко мне в полуразрушенную хату зашел бригадный комиссар Шашков. Внимательно присмотревшись к задержанным и задав им несколько вопросов, он велел их увести, а мне сказал, что эти люди не те, за кого себя выдают. Обрати, говорил он, внимание на их руки. Когда я возобновил допрос, то увидел, что, действительно, руки задержанных были в явном противоречии с легендой о каторжных работах. Они были просто грязные, но не имели ни малейших следов физического, тем более каторжного труда. Эта «мелочь» помогла мне разоблачить трех крупных немецких шпионов-белоэмигрантов, прошедших обучение в Валговской школе германской разведки. Об этой школе нам тогда ничего не было известно. На основании их показаний особые отделы Волховского фронта выловили впоследствии много других агентов, обучавшихся в этой школе, и провели ряд смелых операций по внедрению в разведку противника.

Надежным чекистским обеспечением сопровождались и все другие крупные армейские и фронтовые операции.

Особенно ярко это проявилось при подготовке и проведении операции «Искра», завершившейся прорывом блокады Ленинграда в январе 1943 года.

Несмотря на то что в то время разведорганы противника значительно активизировали свою деятельность, все их устремления не имели успеха, так как решительно пресекались чекистами, которым помогали все честные советские люди. Например, в ночь на 15 января заградпатруль на станции Жихарево обратил внимание на трех военнослужащих, которые вели себя неуверенно, как бы чего-то опасаясь. На вопрос старшего наряда один из них предъявил командировочное удостоверение, выписанное штабом 177-й стрелковой дивизии для получения груза. Но где находится штаб дивизии и какой именно груз им поручили получить, они толком объяснить не могли. Это насторожило патрульных, и они решили осмотреть вещи задержанных. Там среди прочего оказалась и рация. В особом отделе все трое признались, что являются агентами германской разведки. Они имели задание установить, какими резервами располагает командование в ходе начавшейся операции.

Так благодаря бдительности простых советских воинов была предотвращена утечка важных военных секретов к противнику.

Всего накануне и в ходе операции «Искра» на Волховском фронте было обезврежено 45 вражеских агентов. Не было допущено ни одного случая перехода к противнику каких-либо других преступников, которые могли бы предупредить врага о готовившейся операции. А это содействовало сохранению в тайне замыслов нашего командования и способствовало

общему успеху. Захваченные впоследствии трофейные документы и показания немецких военнопленных подтвердили, что эта крупнейшая стратегическая операция явилась полной неожиданностью для противника.

Генерал-майор в отставке Анатолий НЕСТЕРОВ

Игра с «Марсом»

Немецкий абвер забросил в прифронтовую полосу и в тылы Ленинградского и Волховского фронтов 150 разведывательных групп, которые были выявлены, разоблачены и обезврежены. Некоторые шпионы сами явились в органы контрразведки с повинной, честно и полно рассказывая о себе и своем окружении.

Одна из таких групп – военнопленные, бывший командир роты капитан Филатов и бывшие командиры взводов Осипов, радист, и Серегин – сообщила, что в октябре 1942 года они на парашютах приземлились в районе Бокситогорска. В военной форме, имея на руках отлично изготовленные документы и крупные суммы советских денег, они добрались до ближайшей воинской части и сдались, заявив, кто они есть на самом деле, и потребовав передать их контрразведке.

Филатов рассказал на допросе, что, будучи больным тифом, умирал в немецком бараке и в этот момент вербовщик предложил работать на немецкую разведку, обещая спасти от смерти. Родилась надежда уйти от немцев и сдаться советским властям. Все трое, завербованные при различных обстоятельствах, были направлены на учебу в разведшколу в местечко Валга.

3 октября 1942 года им дали задание на вылет в тыл Красной армии. После этого вывезли на аэродром, откуда на самолете переправили через линию фронта. Филатов и его партнеры подробно рассказали о полученном задании, назвали известные им фамилии обучавшихся в разведшколе, изложили сведения о ее преподавателях, о работе на рации, графике выхода в эфир, назвали позывные. Показания группы Филатова были проверены при помощи сведений ранее задержанных разведчиков, учившихся вместе с ними в разведшколе, и другими возможностями. Все подтвердилось.

Появились реальные возможности для работы с Филатовым с целью выхода в эфир и дезинформации немецкого радицентра «Марс» – органа абвера. Тем временем на Волховском фронте наступил самый ответственный период перегруппировки войск перед прорывом немецкой блокады Ленинграда – операцией «Искра».

С декабря 1942 года мне пришлось активно работать по дезинформации «Марса». Я систематически поддерживал связь со штабом Волховского фронта, получая от них указания, когда и где передавать дезинформацию немцам. Мы вместе с Филатовым выезжали в прифронтовую зону, в лесу выбрасывали антенну, включали рацию, и Филатов передавал заранее подготовленный нами текст. Так, из разных мест фронта, мы, согласно требованиям немецкого радицентра, передавали им ложные сведения. Немцы задавали Филатову различные вопросы, ставили задачи и излагали просьбы, анализ которых помогал нашему командованию фронтом раскрыть замысел немцев. Филатову удалось направить противника по ложному пути и снабдить ложными сведениями. Для подтверждения радиотелеграмм Филатова в радицентр «Марс» командование организовывало в ночное время по указанным им маршрутам движение при включенных фарах тракторов, тягачей и танков, которые к утру другим путем возвращались.

Операция «Искра» оказалась для немцев неожиданностью. Волховский фронт соединился с Ленинградским. Фашистская блокада была прорвана. 13 января 1943 года над Ленинградом взвился разноцветными огнями грандиозный салют. Ленинградцы и вся страна ликovali! Вскоре стала действовать вновь построенная вдоль Ладожского озера железная дорога,

по которой потекли продовольствие, металл, горючее, вооружение и другие материалы, необходимые для города-героя.

А мы с Филатовым еще в течение трех месяцев продолжали успешно работать по дезинформации немецкого радицентра «Марс», тем самым помогая войскам Волховского фронта с меньшими потерями изгонять немцев с территории Ленинградской и Новгородской областей.

Полковник в отставке Василий НОВОХАТЬКО

Задержание

Летом 1943 года сотрудники Управления особых отделов НКВД СССР запеленговали в Москве на Рождественке рацию, определили дом, из которого выходили в эфир. Мне было приказано установить, в какой квартире она находится и кто на ней работает. Тщательно проверила весь дом и узнала, что в одной из квартир остановился офицер, приехавший на несколько дней с фронта в командировку. Обитал он у двоюродной сестры, которая работала на заводе и часто оставалась там по нескольку дней. Соседи были в эвакуации, и приехавший офицер практически один находился в квартире. Было выяснено, что он свободно ходит по Москве, отметился, как положено, в военкомате, получает там сухой паек, то есть ведет себя как обычный командированный...

И вот однажды он по рации передает, что в такой-то день и час выходит из дома и будет переходить линию фронта. Мы приготовились к задержанию. Я должна была зайти в подъезд к 14 часам и, когда он выйдет из квартиры, дать сигнал белым платочком через окошко этажом выше. Там уже выставили стекло.

Пришла в подъезд часа на два раньше. И вижу, что офицер уже спускается вниз. Увидев меня, остановился, пропуская меня, и стал смотреть вслед. Прохожу один этаж, второй, третий и боковым зрением замечаю, что он все стоит. Дошла до последнего этажа, стучу в первую же квартиру. Старческий женский голос спрашивает: «Кто?» Я называю женское имя, первым пришедшее на ум. Открывается дверь, вхожу в квартиру и прошу стакан воды. Когда старушка пошла на кухню, быстренько выскакиваю на лестничную площадку и, сняв туфли, спускаюсь к окну. Успела-таки махнуть платком и увидела, как со всех сторон направились к подъезду парами наши сотрудники. Я вроде бы успокоилась: не опоздала.

Присела на подножку лестницы, а встать не могу. За мной поднялись наши ребята и рассказали, что объект задержан и уже в машине. Все было сделано молниеносно.

За операцией наблюдали Абакумов, начальник Главного управления контрразведки «Смерш», и мой непосредственный начальник. Было это на углу Рождественки и Кузнецкого моста, около Архитектурного института. Машина увезла задержанного к дому № 2 на Лубянке.

Я знаю, что Абакумов довольно часто лично присутствовал при задержании особо опасных вражеских агентов.

Капитан в отставке Анна ЗИБЕРОВА

Ошибка резидента

С первых дней Великой Отечественной войны и до полного освобождения Ленинграда от вражеской блокады я служил в особых отделах частей Ленинградского фронта. А с 1944 по 1945 год был начальником следственного отделения Главного управления контрразведки Войска Польского.

В феврале 1944 года, когда наши войска освобождали Ленинградскую область от фашистских оккупантов, я работал старшим следователем в особом отделе 67-й армии.

Именно тогда мне удалось разоблачить резидентуру абвера, оставленную в районе Сиверской, где располагался аэродром нашей авиации.

В моем производстве находилось несколько дел на немецких пособников – старост, полицейских и других предателей. Приходилось допрашивать и иных подозрительных. Один из таких – Спирин, житель Сиверской, рассказал, что в декабре 1943 года был завербован немецким офицером для выявления партизан и лиц, связанных с партизанами. Перед отступлением офицер передал его на связь некоему Пинкину, проживающему в совхозе «Белогорка», поручив наблюдать за передвижением наступающих советских войск. Пинкин по профессии портной, живет в собственном доме. Во время оккупации у него квартировали офицеры из местной комендатуры. С одним из них сожительствовала дочь Пинкина, которую немец увез с собой при отступлении. Сам Пинкин тоже собирался уехать с немцами, что, очевидно, и сделал. Спирин заявил, что, как он полагает, еще несколько человек в поселке выполняют задания немцев и связаны с Пинкиным. Фамилии этих подозреваемых он назвал. К тому времени мне как раз предстояло отправиться в Сиверскую по служебным делам.

Находясь в Сиверской, я допрашивал свидетеля о преступной деятельности одного немецкого пособника. Между делом спросил, как себя вели другие жители по отношению к немцам. Неожиданно допрашиваемый сказал, что Пинкин никуда не уехал и продолжает жить в своем доме, который в числе немногих остался не тронутым немцами при отступлении. Внезапно возникшая ситуация обязывала меня принимать важное решение самостоятельно. Если немецкий резидент дома, то я обязан задержать его и доставить в отдел. Но как? Для этого я продумал легенду: мол, являюсь начальником обозно-вещевого снабжения одной из летных частей и ишу портного, чтобы обшивать наших летчиков, обносившихся в блокадном Ленинграде. Так и сказал Пинкину, придя к нему домой. Он охотно согласился. Особенно понравилось мое предложение его жене, которая стала страстно уговаривать мужа принять это предложение.

В разговоре выяснилось, что Пинкин уже взят военкоматом на учет. Понимая, что надо скорректировать свои действия, я уточнил, где размещается военкомат, и договорился с Пинкиным, что завтра мы там и встретимся. Ну а сам, разыскав представителя военкомата, сообщил ему о своих планах задержания Пинкина.

Ночевал я у оперуполномоченного особого отдела, обслуживавшего Сиверский аэродром. Заснуть не мог, еще и еще раз обдумывал предстоящие действия – правильно ли я поступаю, а вдруг он уже заподозрил неладное и скроется...

Спозаранку поспешил к представителю райвоенкомата, который стал заполнять ведомость о передаче Пинкина в мое распоряжение. В это время я в окно заметил, как во двор РВК въезжает на санях-розвальнях Пинкин с женой. «Неплохо же ты, предатель, поработал на немцев, – подумал я, – если они не только твой дом не тронули, но и лошадкой снабдили.»

Процедура передачи и приема «призывника» была недолгой. Пинкин распрощался с женой, и мы пешком отправились к большаку, ведущему из Гатчины в Лугу. Настроение мое было на уровне: мол, без особых затруднений прихватил резидента противника и везу его туда, где тому и положено быть. Однако через несколько минут произошло неожиданное. По моему сигналу остановился ЗИС-5, доверху загруженный ящиками. Я посадил своего «подопечного», а сам попросил водителя остановиться у поворота на Толмачево. Но сесть в кузов не успел, едва стал ногой на заднее колесо, как шофер дал газ.

Падая, я сильно ушибся. Поднявшись, что-то прокричал вслед удаляющемуся грузовику, но меня никто не услышал. Получалось, что мой резидент укатил на автомобиле. Впоследствии я выяснил, почему же Пинкин не попытался остановить машину. Оказалось, что он сел спиной к борту, через который я пытался взобраться в машину, и не заметил, что я упал. Он был уверен, что я в кабине вместе с водителем, и был страшно удивлен, когда машина остановилась у поворота на Толмачево, а меня в ней не оказалось.

На попутке я пустился вдогонку и увидел «беглеца» у поворота на Толмачева. Он стоял в растерянности.

В Толмачеве резидента поместили в камеру предварительного заключения, а на другой день я под конвоем препроводил его в Гатчину, где приступил к допросам. Задержанный был обескуражен и больше всего удивлен тем, как его задержали. На первом же допросе и на последующей очной ставке со Спириным Пинкин дал показания о своей принадлежности к фашистским разведорганам и полученном от них задании по сбору шпионских сведений. Рассказал и о четырех агентах, состоящих у него на связи. Завершал следствие уже не я – дело передали в следственную группу особого отдела фронта.

За задержание и разоблачение фашистского резидента меня наградили орденом Красной Звезды.

Майор в отставке Федор ГАСИЛОВ

Как «23» агентов погубило

Начиная с 1943 года абвер стал активно перебрасывать свою агентуру через линию фронта на самолетах. Помню, на 3-м Украинском фронте, в состав которого входила наша 5-я армия, на территории Молдавии, в районе Тирасполя, мы получили сигнал от одного пастуха, что в прифронтовой полосе в районе Фрунзенское он слышал в ночное время гул самолета и наблюдал, как приземлялись несколько парашютистов.

Сигнал был серьезным. Войска готовились к Яско-Кишиневской операции, и заброска группы немецких парашютистов вызвала у командования тревогу. Мне было поручено по линии отдела контрразведки «Смерш» армии возглавить работу по поиску и задержанию парашютистов. Но возник вопрос: а вдруг пастух говорит неправду? В таком случае мы зря тратим время и силы. Но если он говорит правду, а мы неотреагируем, то упустим немецких шпионов. Говорили с пастухом и раз, и два – он клялся, что говорит правду. Только после этого выехали к месту предполагаемой высадки, чтобы искать парашюты. Из опыта знали, что парашюты обычно закапывают на склоне оврагов, прячут в кустах. Стали тщательно осматривать местность. Особое внимание обращали на овраги, земляные бугорки, взрыхленную почву. Вскоре на одном из склонов оврага нам действительно удалось найти закопанными пять парашютов. Теперь убедились: высадка действительно состоялась.

Но как искать десант? Нет никаких примет. Пошли по единственно возможному пути: создали четыре оперативные поисковые подгруппы во главе с оперативным работником «Смерша». Подгруппы были направлены в северном, южном, западном и восточном направлениях от места высадки. Задача была единственной: опрашивать местных жителей, не видели ли они посторонних, которые своим поведением вызвали бы подозрение. Такой способ действий вскоре оправдал себя.

Через день-два одной из подгрупп удалось получить данные от косаря о подозрительном поведении двух человек в красноармейской форме. На вопрос косаря, откуда они идут, те ответили, что из Глинного, и указали направление, хотя Глинное было в другой стороне. Красноармейцы угостили косаря сигаретой, что в условиях военного времени было роскошью. По показаниям косаря, на солдатском вещмешке одного из красноармейцев было написано чернильным карандашом число «23». Эту цифру на вещевом мешке и взяли за основу в дальнейших поисках.

На фронтах был такой порядок: каждый красноармеец, получая вещмешок, надписывал на нем либо свою фамилию, либо ставил какую-либо цифру. Это помогало не перепутать свой вещмешок с каким-то другим.

Особое внимание на поиск красноармейца с таким вещмешком обратили в 194-м армейском запасном полку. Такие полки были при каждой армии. Туда поступали солдаты

по мобилизации, из госпиталей после ранения и т. д. Их некоторое время обучали военному делу, а потом маршевыми ротами отправляли в действующие полки и дивизии.

Так вот, в 194-м запасном полку 54-й армии всерьез занялись поиском красноармейца с вещевым мешком, помеченным «23». И вскоре обнаружили такой мешок. При проверке красноармейской книжки его хозяина было установлено, что скрепки сделаны из нержавеющей стали. Это сразу усилило подозрения.

Солдат заявил на допросе, что находился в военном госпитале в Тамбове, где лечился после осколочного ранения в ногу. Следы от ранения действительно были. Поинтересовались, что собой представляет здание госпиталя в Тамбове, на каком этаже он лежал. Предложили назвать номер палаты, имена медсестер и тому подобное. На все вопросы подозреваемый дал ответы. Срочно по ВЧ запросили сведения из Тамбова. Как и ожидалось, все, рассказанное «красноармейцем», было вымыслом. Но в том, что он является агентом гитлеровской разведки, задержанный признался только после очной ставки с косарем.

В течение нескольких дней были задержаны и разоблачены остальные агенты. Один из них, «капитан», уже успел получить в отделе кадров армии направление в штаб 32-го стрелкового корпуса для прохождения там службы. Его задержали на пути туда. У двух других было задание взорвать железнодорожный мост в районе Балты. У моста их и задержали, изъяв магнитные мины, радиопередатчики, большое количество денег.

Генерал-майор в отставке Леонид ИВАНОВ

«Жесткая» посадка

Когда гитлеровцы спешно покидали временно оккупированную ими территорию Калмыцкой АССР, вместе с ними ушел и зондерфюрер Вербу (кличка – доктор Долль), руководитель одного из специальных отрядов немецкой разведки. А вот главарь другой из подчиненных ему банд Огдонов остался. Об этом узнали оперработники, перехватившие его донесение в абвер. Огдонов просил помочь ему с людьми, оружием и листовками.

Было это в мае 1944 года. На ноги поставили и контрразведку, и войсковую разведку. События развивались так. Вскоре из Румынии вылетел тяжелогруженный Ю-290. Пролетев над Черным и Азовским морями, он миновал Ростов и приземлился около степного калмыцкого поселка Утта. На его борту было 24 диверсанта во главе с капитаном фон Шеллером. Самолет также доставил радиоаппаратуру, оружие, инженерную технику, запасы продовольствия. Целью «визита» было создание базы для приема других самолетов с эскадронами «калмыцкого воинского соединения доктора Долля».

Подразделения ПВО засекли самолет на подходе к Ростову. В воздух поднялись перехватчики, но обнаружили «Юнкерс» уже после приземления и расстреляли из пушек и пулеметов на земле. Тем временем к месту посадки выехали оперативные группы контрразведчиков. Одна из них, под руководством майора Друзина, вступила в бой с диверсантами. Трое членов экипажа и четверо диверсантов были убиты, остальные, в том числе и Шеллер, взяты в плен.

Шеллера допрашивал начальник контрразведки «Смерш» округа. Опытному генералу удалось в короткий срок выяснить у пленного цель операции и заставить его передавать в свой разведывательный орган дезинформацию, подготовленную военными контрразведчиками.

Вот почему немцы продолжали кропотливо готовиться к операции. Эту работу они начали с конца мая и вели до середины августа. Соответственно готовились и наши контрразведчики, а также пограничники и авиаторы. В районе села Яшкуль были подготовлены посадочная площадка длиной два километра, домик для радиостанции и командный пункт для руководителя операции. Все тщательно маскировалось. Поперек полосы через каждые

200 метров были вырыты глубокие рвы-ловушки для самолета, которые тщательно маскировались.

По окружности аэродрома были оборудованы огневые точки. Тщательно продумывались и схема обороны, порядок захвата самолета, действия каждой группы в борьбе с десантом.

Самолет «Фокке-Вульф-200» появился над посадочной площадкой 10 августа 1944 года в два часа ночи. Он долго кружил в небе. Несмотря на зажженные аэродромные огни, на посадку не шел. Потом выбросил парашютиста – это оказался лейтенант из корпуса доктора Долля по кличке Ящур. На земле его встречал руководитель группы захвата лейтенант Петренко, выдававший себя «повстанцем». Ящур захотел осмотреть посадочную полосу и сказал, что только после этого согласится дать условный знак на посадку.

Контрразведчику пришлось проявить немало изобретательности и упорства, прежде чем Ящур выдал из себя:

– Включайте фонарь желтого цвета!

Дальше все пошло по плану контрразведчиков. Как только «фоккер» пошел на снижение, группа захвата скрутила Ящуру руки.

Военно-транспортный самолет приземлился, не выключая моторов. Из него сбросили трап, по которому спустились двенадцать человек. Навстречу им с группой захвата пошел войсковой начальник Васильков, обеспечивший техническую сторону чекистской операции.

– Ящур, Ящур, ты здесь? – окликнул кто-то.

Не получив ответа, диверсанты открыли огонь. Разгорелся ночной бой. Тяжелый транспортник стал разворачиваться для взлета, но угодил колесом в ловушку, завалился на бок и уперся крылом в землю. С его хвоста резанула длинная пулеметная очередь.

В ответ раздались выстрелы противотанковых ружей. Самолет охватило пламя. Диверсанты под прикрытием дымовой завесы пытались уйти в степь.

Допросили пленного Ящура. Тот сообщил, что в самолете было тридцать членов команды плюс пять – экипаж и еще два офицера. Подвели итог боя: убито пятнадцать диверсантов и два члена экипажа. Значит, остальных надо искать в степи.

Их нашли только на третьи сутки, уже в районе действия банды Огдонова.

Подполковник в отставке Николай КАБАКОВ

Операция «С легким паром!»

Летом 1944 года, когда наши войска вели бои за освобождение Польши, я был начальником особого отдела 47-й гвардейской стрелковой дивизии. Конечно, противник тогда пытался предпринять всяческие меры, чтобы задержать наше продвижение, в том числе путем совершения диверсий на коммуникациях. Кое-что, надо признаться, ему удавалось сделать. Вот почему из управления «Смерш» 1-го Белорусского фронта нам было передано указание сосредоточить главное внимание на противодиверсионной деятельности. Хотя мы и раньше уделяли ей внимание, но с такой остротой вопрос не ставился.

Дивизия к этому времени дислоцировалась в районе Люблина – принимала пополнение, готовилась к броску на Вислу. Вместе с командиром соединения гвардии генерал-майором Василием Минаевичем Шугаевым мы проработали маршрут – полосу наступления, определили согласно ориентировкам и нашим разведанным, где имеются разведывательные подразделения противника, карательные подразделения, какие объекты в нашем тылу могут быть выбраны немцами для совершения диверсии.

Мы выделили пять таких уязвимых мест, в том числе железнодорожный узел, по которому шел основной поток грузов для готовящейся наступательной операции. В эти населенные пункты были направлены оперативные группы по 7-10 человек во главе с оперативным

работником, чтобы скрытно вести наблюдение за объектом, а в случае появления подозрительных лиц разбираться, не являются ли они диверсантами.

Группу, направленную к тому самому важному железнодорожному узлу, возглавлял старший оперуполномоченный капитан Голубцов. Один или два человека в ней были военнослужащие из «Смерша», остальные – из разведподразделения полка.

Довольно скоро в районе объекта, наблюдаемого Голубцовым, появилась дрезина, а в ней – офицер. Его, конечно, остановили, попросили предъявить документы. Офицер без всяких лишних вопросов предъявил все положенные документы, в том числе и командировочное предписание за подписью начальника штаба фронта. Это был представитель железнодорожных войск нашего 1-го Белорусского фронта, который ехал на узел, чтобы определить, насколько он подготовлен к приему большого количества боеприпасов и других грузов для наступающей группировки.

Хотя документы сомнений не вызывали, но Голубцов заколебался, обратив внимание на одно обстоятельство: в ориентировке, которую мы получили, наряду с другими признаками экипировки диверсантов фигурировал ранец. У этого офицера как раз и был ранец. Это вызвало подозрение, но так как все остальное было в полном порядке, то железнодорожника пропустили следовать по назначению. Однако доложить мне об этой встрече Голубцов лишним не посчитал...

А буквально на следующий день в этот же самый район прибыла группа из семи бойцов во главе с офицером. Эти люди имели задачу сбора новых образцов немецкого вооружения в период наступления – трофейная такая команда. Старший ее предъявил оперативному работнику документ за подписью начальника штаба фронта – требование, чтобы все командиры и начальники оказывали этой трофейной команде всяческую помощь в выполнении поставленной задачи. И офицер, и все его бойцы имели за спиной ранцы.

Нужно ли объяснять, что эта группа сразу же вызвала у капитана Голубцова подозрение? Но виду наш сотрудник, конечно, не подал. Поскольку же ему была высказана просьба о содействии, то он на нее охотно откликнулся.

«Хорошо, – сказал он. – Тут у нас недалеко штаб, я вас с ними свяжу, вы договоритесь, как будете действовать.»

Посадил бойцов и командира на проходящую штабную машину и привез их всех ко мне в землянку. А так как он уже доложил мне насчет ранца у вчерашнего офицера, то и у меня сразу же возникло подозрение, что с этими «трофейщиками» надо разобраться повнимательнее...

Сначала я попросил документы, и офицер охотно мне их предъявил – свое удостоверение, командировочное предписание, просьбу и указание начальника штаба фронта оказать помощь.

Когда я стал их просматривать, то сразу обнаружил отдельные подозрительные признаки, которые были указаны в ориентировке. В частности, в удостоверении личности скрепки были нержавеющей (помните, у Богомолова «В августе 44-го» – там как раз об этом говорится), буквы некоторые написаны не так. В общем, в конце концов я обнаружил четыре подозрительных признака, и никаких сомнений у меня не было, что это диверсанты.

И вот, представьте себе, создалась ситуация. Они все вооружены автоматами, сидят в моей землянке вокруг меня. Целая диверсионная группа. И что же делать с ними? Как их задержать, как обезоружить, чтобы обойтись без жертв?

В голове один за другим прокручиваются варианты – и такой вариант, и такой. Но я никак не мог себе представить, что тут можно было сделать. Конечно, сказывалось и волнение – попал в окружение прямо среди нашего расположения. Ну, поволновался я так немножко, потом взял себя в руки и повел беседу вполне нейтральную. Мол, я им полностью поверил и теперь вникаю в их проблемы, стараюсь помочь. Сказал, что есть тут у нас склад

трофейного оружия, мы его можем вам показать – может быть, вы там сразу найдете что-то для вас нужное. Потом мы свяжем вас со штабом. Так как мы, в чем нет большой военной тайны, буквально на днях готовимся идти в наступление, то вы можете вместе с нами продвигаться и собирать все, что душе угодно.

Такой разговор был, и мне удалось как-то их разрядить и успокоить. Чувствую, что и офицер перестал волноваться, и все присутствующие, видимо, решили, что я им действительно поверил.

Тогда я вызвал начальника АХЧ, хозяйственной части, и приказал ему разместить «гостей» в соседней палатке, поставить на все виды довольствия и прикрепить к штабной команде, какая будет участвовать в наступлении.

Они с этим согласились, и таким образом удалось их из землянки вывести...

Но мне-то что дальше с ними делать?! Я быстро созвал всех оперативных работников, кто был под рукой, и мы в спешном порядке стали обсуждать, как нам обезвредить этих диверсантов. Прорабатывали самые разные варианты, но все никак не получалось, чтобы обойтись без жертв. Парни они все были здоровые как на подбор, и у каждого автомат наготове. Не так, конечно, чтобы откровенно наизготовку и палец на спусковом крючке, но чувствовалось, видно было наметанным глазом.

В конце концов идею подсказал не оперативник, а этот же самый начальник АХЧ. Он пришел в землянку, где мы совещались, и спрашивает:

– Товарищ майор, а как быть с их санобработкой?

Как раз в это время в нашу дивизию прибыл санкомбинат по санитарной обработке личного состава, и мы за эту мысль хорошо ухватились. Я приказал ему пойти, проинструктировал как, и предложил им пройти санобработку в связи с приказом командира дивизии.

Офицер, старший группы, начал отказываться – мол, мы перед отправкой сюда прошли осмотр, у нас все в порядке, но начальник АХЧ твердо стоял на своем. Выполняя нашу инструкцию, он сказал, что в этом случае никуда дальше допустить вновь прибывших не может, потому что приказ есть приказ и ему лишние неприятности не нужны, он с командиром дивизии ссориться не собирается. В общем, люди мы все военные, сами все понимать должны.

Длинный получился разговор, но в конце концов офицер вынужден был согласиться на санитарную обработку.

А мы тем временем подготовили баню. Разумеется, она давно уже была готова – в смысле истоплена, но мы оттуда вывели всех военнослужащих и вокруг этой палатки скрытно разместили группу захвата...

Когда все было готово, начальник АХЧ предложил «гостям» идти в палатку, принять там душ и пройти санитарный осмотр.

После колебаний они все-таки разделись в палатке-раздевалке, сложили обмундирование на специальную полку, автоматы и ранцы туда положили и пошли в палатку-баню, что была в двух метрах от нее. Но одного охранника с автоматом все же оставили.

В бане их начали мыть как следует, под паром, а в это время вступил в действие наш план – мы же понимали, что охрану они оставят. Был у меня такой старший оперуполномоченный Иван Каратуев – здоровый, смелый парень, ему и поручили обезоружить охранника. Переодетый санитаром, он преспокойно зашел в палатку, а потом вдруг нанес часовому удар сзади по шее. Тот свалился, не пикнув, но Иван ему еще добавил для верности.

Тут же взяли под охрану и всех остальных – их стали связывать под паром, прямо как были, голеньких. Они пытались брыкаться, рваться, но поздно – группа захвата у нас была сильная. Только потом, когда их связали, им выдали портки и рубахи.

Когда мы осмотрели вещи задержанных, то оказалось, что в ранцах у них была взрывчатка – 100 килограммов на всю группу набралось. Вот для чего, оказывается, ранцы-то они

с собой носили! «Офицер» – это был кадровый сотрудник абвера, родом из поволжских немцев – на допросе признался, что они имели задание взорвать эшелон с боеприпасами на том важном железнодорожном узле и подорвать стрелочные коммуникации на железной дороге, чтобы затормозить движение войск. Остальные диверсанты, кстати, были из числа изменников Родины, ранее служившие в полиции и карательных отрядах на нашей территории, временно оккупированной гитлеровцами.

Конечно, тут же было решено найти вчерашнего «офицера-железнодорожника» – мы поняли, что это была разведка. Начали интенсивные его поиски, которые вскоре увенчались успехом – диверсант был обнаружен в двух километрах от объекта, где он замаскировался в кустах. При задержании он оказал сопротивление, и его расстреляли...

Таким образом была обезврежена разведывательно-диверсионная группа и предотвращена диверсия на важном железнодорожном узле. А вскоре затем наша 47-я гвардейская стрелковая дивизия перешла в наступление.

Генерал-лейтенант в отставке Александр МАТВЕЕВ

46 часов с Антонеску

В августе 1944-го мне, подполковнику военной контрразведки «Смерш», было приказано принять задержанных – Иона Антонеску и его подручных, в том числе брата маршала министра иностранных дел Михая Антонеску, – на станции Бельцы, что в 500 километрах от Бухареста, и доставить в Москву живыми и невредимыми. Все тогда понимали: Гитлеру было крайне невыгодно, чтобы его ближайший подручный оказался в распоряжении Советского Союза, – он мог предпринять какие-то контрмеры.

По приезде в Бельцы я срочно разыскал уполномоченного транспортного отдела НКВД и через него стал выяснять возможности для оформления спецпоезда. До нашего приезда не поступило об этом никаких указаний. Пришлось немедленно установить связь по селектору с наркомом внутренних дел Молдавии, который сообщил, что где-то к 14.00 из Кишинева прибудет паровоз с подобранной для такой поездки бригадой и вагоном-салонном, которым пользовались немцы при оккупации Молдавии.

По рекомендации уполномоченного транспортного отдела станции Бельцы было решено оформить спецпоезд из пяти вагонов: товарного (у паровоза для смягчения толчков), вагона-кухни, салона, спального для «гостей» и оперработников, а также пассажирского для охраны. Вопрос о «зеленой» улице для нашего поезда я решил с начальником транспортного управления НКВД СССР, которому должен был при остановках доносить о состоянии «груза».

Пятерых румын доставил на станцию армейский конвой. Когда поезд отправился, «гости» были приглашены в салон-вагон на ужин. Мне пришлось выступать в роли «хозяина», которому они представились. Каждый назвал свои имя, фамилию и должность, а военные – и звание. Переводчик указал им места. Мы с Антонеску расположились друг против друга.

Румынский диктатор был в маршальском повседневном кителе мышиного цвета с многочисленными орденскими планками и одним орденом. Роста был небольшого, худощав, рыжеват. За ужином, продолжавшимся около двух часов, разговаривали о трудностях и бедах, принесенных войной, – виновники ее, понятно, не назывались. «Гости» пили мало, но ели вдоволь.

Когда я предложил всем идти отдыхать, Антонеску задержался и начал разговор – так мы остались втроем: он, переводчик и я. Маршал попросил меня честно ответить на волнующий его вопрос: «Куда нас везут, и правда ли, что руководители Советского государства

будут вести в Москве переговоры об условиях перемирия?» Я ответил, что везут их действительно в Москву, а что там будет, не знаю.

После этого Антонеску несколько приободрился и сразу же начал говорить – очень медленно, видимо, желая, чтобы переводчик понял каждое слово. Он сказал, что многие его считают фашистом, а он им стал поневоле, в силу «сложившихся обстоятельств». Поинтересовался, знаю ли я царских генералов Брусилова, Иванова и Рузского. И далее сказал: «Очень сожалею, что их нет в живых, а то они бы могли прояснить, являюсь я другом русских или другом немцев».

Далее он говорил, что в войну 1914–1918 годов Румыния воевала на стороне России, а он был начальником штаба румынской армии. А вот теперь он оказался в противостоящем России лагере, и причиной тому – ввод в 1940 году на его родину немецких танковых войск. «Гитлеру была нужна Румыния как стратегический плацдарм и как поставщик нефти, – сказал маршал. – Поэтому он и оккупировал ее до начала войны». Он так и заявил – «оккупировал». И он,

Антонеску, как глава румынского правительства тогда якобы ничего не мог сделать против этого.

Но маршал, видимо, полагал, что подполковнику не известно и то, как развивались отношения между Германией и Румынией накануне войны, когда он, Антонеску, по желанию фюрера пришел к власти в стране: стал премьер-министром, объявил Румынию фашистским государством, а себя – его «вождем», что в сентябре 1940 года именно он просил Гитлера ввести немецкие войска в Румынию, заявив, что «хочет сотрудничать с Германией целиком и полностью», а в январе 1941 года говорил о «большом желании участвовать в войне против СССР».

Я не вступал в дискуссию, давая Антонеску возможность выговориться. До Москвы мы ехали 46 часов, и бесед было несколько. Я не задавал вопросов, слушал, в отведенное для отдыха время кое-что из значимого записывал, чтобы потом доложить руководству ГУКР «Смерш».

На следующий день после завтрака Антонеску начал разговор о том, как в конце 1942-го советские войска нанесли немцам и румынам «страшный удар» под Сталинградом, где Румыния потеряла 18 дивизий – почти две трети своих боевых соединений. Уже тогда, сказал бывший диктатор, он понял, что войну страны гитлеровского блока проиграли. И якобы тогда же, в начале 1943 года, предложил королю Михая и его матери попытаться выйти из войны. Они втроем приняли решение: поручить министру иностранных дел тайно установить контакт с представителями США и Англии в Испании или Швейцарии.

Одновременно решили предложить Гитлеру назначить его, маршала Антонеску, Верховным главнокомандующим румынскими войсками на Восточном фронте. Якобы лишь для того, чтобы румынские «боевые соединения выполняли его приказы, а не немецкого командования». Однако из этого ничего не вышло.

А вот о том, как в августе 1941 года Гитлер наградил его Рыцарским крестом за вступление румынских войск в Одесскую область, Антонеску не вспоминал.

В Москву мы прибыли вечером. Нас встретили руководящие работники ГУКР «Смерш». Своих «подопечных» мы доставили на одну из дач в Подмосковье. Затем я доложил генерал-лейтенанту Н. Н. Селивановскому о поведении румын в пути и зачитал выдержки из своих записей, сделанных после бесед. Мне было предложено продиктовать их стенографистке. О доставке Антонеску в Москву, разумеется, было сразу доложено Сталину.

...По решению народного трибунала Румынии в 1946 году Ион Антонеску был расстрелян.

*Генерал-майор в отставке Михаил БЕЛОУСОВ
(Записал Б. Сыромятников)*

Это было в Эстонии

В конце сентября 1944 года в только что освобожденном от фашистских захватчиков Таллине мне поручили возглавить оперативно-разыскную группу и обследовать столицу Эстонии. В первую очередь нас интересовали многолюдные места. Одним из них, несомненно, был Таллинский базар, куда приезжали крестьяне с окрестных хуторов. После изгнания фашистов торговля здесь шла весьма оживленно.

Мы присматривались, приценивались, наблюдали. В базарной толпе бывали и военнослужащие. От нашего внимания не ускользнуло: группа – лейтенант, младший лейтенант, несколько старшин, сержантов и рядовых подошли к пожилой крестьянке, которая разложила куски сливочного масла домашней выработки. Один берет кусок масла, передает второму как бы попробовать, тот третьему – и в считанные минуты группа, не расплатившись, стала уходить с добычей. Крестьянка начала кричать, звать на помощь. Я решил задержать последнего из уходящих. Дал указание подчиненным ко мне не подходить, в конфликт не вступать. Зато все подозрительные военнослужащие оказались тут как тут. Схватили меня, подняли на руки и понесли в скверик, за базаром. Я успел пальцем описать в воздухе круг, дав этим понять, что группу следует окружить.

Как потом выяснилось, это была банда, переодетая в форму наших военнослужащих. Оставив меня, они расположились в скверике на обед, достали колбасу, шпиг, хлеб, только что украденное масло, самогон. Бандитов было 8, все вооружены. Один подал мне кусок хлеба с салом и кружку самогона: «Угощайся с нами». Я взял кружку, но, отпив глоток, решил закашляться – кашель получился естественным. Я поднялся, чтобы уйти. «Нет уж, будешь с нами, пока не пообедаем», – повелел бандит. Прошло минут двадцать, и у скверика остановились две крытые машины, откуда выпрыгнули наши солдаты во главе с подполковником Веселовым. Он скомандовал: «Ни с места! Предлагаю сдаться без кровопролития!» К моему удивлению, бандиты сдались безропотно...

Вечером на разборе мой непосредственный начальник – майор Александр Семенович Евтюхин – не совсем лестно отозвался о нашей «операции». А банда все-таки была обезврежена.

Никифор ХАРИТОНОВ

«Плененные, но непокоренные»

Демьян Васильевич Корх – мой коллега по опергруппе, был страстным любителем лошадей и неведомо где раздобыл пару выездных с бричкой. Вечерами, если позволяла обстановка, он предавался своей страсти – восседал на бричке с кнутом в руке и выезжал за город. Обычно лошади находились в специально построенных конюшнях, где за ними ухаживали такие же любители лошадей из числа только что освобожденных наших военнопленных. Общение с лошадьми и для меня было приятным – ведь я еще при учебе в сельскохозяйственном техникуме немало повозился с группой жеребят. Демьян Васильевич частенько приглашал меня на свои прогулки, поручая запрячь лошадок. Так и сегодня, запрягая коней, я вдруг услышал из угла шепот: «Товарищ младший лейтенант», – и в полутемном углу различил сначала одну, затем вторую человеческую фигуру. Оказалось, что два оперативных работника военной контрразведки, находившихся в немецком плену, капитан Кашин Сергей и сержант госбезопасности Бондаренко Иван Иванович решили, что наступил момент легализоваться, таким вот образом заявить о себе. Бондаренко выглядел худым, почерневшим, как выяснилось, у него было серьезное заболевание легких. Сам по себе факт возвращения двух оперативных работников из немецкого плена казался исключительным. Я сразу повел

их к себе, доложил майору. Потом мы всей группой занялись беседой, на которую ушел остаток дня 9 мая, и закончили ее утром на следующий день.

Кашин и Бондаренко были пленены немцами на разных фронтах, после ранений, в бессознательном состоянии. Благодаря счастливому стечению обстоятельств им удалось скрыть от немцев свою принадлежность к органам госбезопасности. Кашин попал в плен в 1944 году, и существовавшая тогда форма одежды не выделяла его среди других военнослужащих, а Бондаренко, плененный в 1941 – м, сумел отвести от себя подозрение тем, что успел переодеться и выдать себя за писаря полка. Он действительно имел красивый почерк. В дальнейшем благодаря этому качеству Бондаренко вошел в доверие к одному «ляйтеру» – предателю из числа немцев Поволжья, занявшему видное положение в администрации лагеря. Бондаренко стал писарем в управлении лагеря. В течение трех лет, испытывая унижения и лишения, а также все усиливающийся недуг, он нечеловеческими усилиями собирал сведения на лагерную агентуру гестапо. Первое время он обходился своею памятью, натренированной на запоминании установочных данных. А с начала 1945 года стал составлять списки немецких агентов со всеми известными ему данными. И вот перед нами предстала такая картина: на ноге ниже колена у Бондаренко – прилипшая к телу матерчатая повязка, за которой полуистлевшие листы бумаги. Отделить повязку от тела удалось лишь с помощью врача. Бондаренко пояснил, что после освобождения он несколько дней терпеливо дожидался удобного момента, чтобы снять повязку, но без посторонней помощи сделать это не смог. Таким образом, патриот передал нам подробные материалы более чем на 70 выявленных им особо опасных преступников.

О появлении у нас Бондаренко и Кашина и о полученных материалах было доложено в Управление контрразведки «Смерш» 1-го Украинского фронта, откуда поступила команда доставить их в Дрезден, к месту дислокации управления.

И вот мы в Радебюле, где разместилось наше начальство. В отношении Бондаренко тут же были приняты меры к его лечению. Собранные им сведения оказались ценными. Вскоре он был награжден орденом Отечественной войны I степени.

Полковник в отставке Алексей КОЧУРИН

Смертельные танцы

В начале 1945 года я был откомандирован в распоряжение Главного управления контрразведки «Смерш» и назначен начальником одного из оперсекторов на освобождаемой территории Восточной Пруссии. Нашей задачей был арест фашистского административного и политического персонала, активных участников фашистской национал-социалистической партии и молодежной организации «гитлерюгенд», а также официальных сотрудников и агентуры разведывательных и контрразведывательных органов противника. За время функционирования сектора с января по август 1945 года было изъято большое количество вражеских элементов. При этом при задержании немецкой агентуры бывали и рискованные для оперсостава случаи. Приведу примеры.

Арестованный агент на допросе показал, что с ним назначил встречу резидент немецкой разведки, чтобы передать взрывчатку для диверсии в нашей танковой части, расположенной на окраине города. Встреча должна была состояться в доме знакомого Н. при следующих обстоятельствах: к условленному времени Н. будет стоять у окна с газетой в руках и, если контакту ничто не угрожает, сделает приветственный взмах рукой. Все так и произошло. В доме была устроена засада, которая и задержала резидента, вооруженного двумя пистолетами и автоматом. При обыске у него были изъяты еще и капсулы с цианистым калием – одна из них была зашита в лацкане пиджака.

В другом случае разоблаченный агент немецкой разведки Ф. на допросе показал, что в мансарде дома № 5 по Вильгельмштрассе скрывается террорист Ян Руцкий. Днем он находится в лесу, а ночью приходил домой, где проживает его жена Марта с двумя малолетними детьми. За домом установили наблюдение. На вторые сутки Руцкий пришел домой. Решено было его задержать. В полночь дом оцепили. На стук дверь долго не открывалась, а затем, когда появилась хозяйка квартиры, в мансарде Руцкого не оказалось. При тщательном осмотре в одной из стен мансарды, заставленной шифоньером, была обнаружена искусно замаскированная дверь, через которую Руцкий проник в проем между мансардой и крышей дома и там укрылся. Отстреливаться он не стал, опасаясь за семью...

Помнится и такой эпизод: в один из выходных дней апреля в кинотеатре два наших оперработника познакомились с девушками-немками и пригласили их в одну из комнат, где проживал оперсостав сектора, на танцы. Вечер знакомства чуть было не окончился трагедией: один из оперработников попытался достать из кармана пальто одной из девиц носовой платок, а там оказалась граната. Девиц задержали, и на предварительном допросе было установлено, что они – активные участницы молодежной организации «Гитлерюгенд», получившие от своего руководства задание охотиться на наших контрразведчиков.

Н. С. ПАВЛОВ

Работали ради Победы

Визитная карточка. Иван Лаврентьевич УСТИНОВ родился 1 января 1920 г. В 1941 г. окончил пехотное училище; с начала войны – в органах военной контрразведки. Начальник 3-го управления КГБ при СМ СССР (военная контрразведка) – 1970–1974 гг.; руководитель Управления особых отделов КГБ по ГСВГ – 1974–1981 гг.; советник при председателе Госплана СССР по проблемам безопасности – до 1991 г. Генерал-лейтенант в отставке, награжден двумя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны I степени, тремя орденами Красной Звезды, медалью «За отвагу» (1941), многими другими медалями, а также орденами и медалями зарубежных стран. Автор книги «На рубеже исторических перемен» (М., 2008); в первом издании – «Крепче стали» (М., 2005).

– 10 июня 1941 года я окончил Камышловское пехотное училище и был направлен в Могилев на курсы военных разведчиков. Три дня проучились – и война. После первых боев меня определили в особый отдел 16-й армии, которая только еще разворачивалась.

– *То есть учиться всему пришлось по ходу дела?*

– Конечно. Прикрепили меня к капитану Харитонову, старшему оперуполномоченному, и он меня начал таскать по командировкам – в дивизии, в бой. Показывал, как в бою организовать работу, как с работниками полкового звена встречаться, как вербовать агентов в боевой обстановке, оформлять это...

– *К тому же вы непосредственно участвовали в боях?*

– Все время дрались: сначала под Смоленском, потом Днепр вплавь форсировали, попали в окружение в районе Соловьевской переправы – страшные бои были, потери невероятные.

– *То есть там уже было не до оперативной работы?*

– Командование все время давало нам поручения: там разберись, тут наведи порядок. Прав у военной контрразведки всегда было больше, чем у командиров. В сентябре в окружении в районе Вязьмы оказались не только наша, но и соседние 19-я и 20-я армии. С остатками артиллерийской части мы заняли оборону в лесу, нас окружили, и мы трое суток отбивались, нас и бомбили, и черт знает что!

– *Иван Лаврентьевич, вы в это время – как бы поточнее спросить – в какой роли выступали?*

– Так как командование было убито, я начал организовывать из оставшихся военнослужащих оборону – пришлось это делать с большим усилием, вплоть до угрозы применения оружия. И тут появляются пятеро военнослужащих. Один распахнул плащ-накидку – вижу, бригадный комиссар. Он представился: Лебедев. Спросил, что мы намерены делать. Отвечаю: организовать прорыв окружения. Лебедев предложил сформировать настоящий воинский отряд, проверить все оружие и готовить прорыв. Меня он назначил своим заместителем и начштаба отряда. Вечером мы пошли на прорыв...

– *И вышли к своим?*

– Да, мы тоже так думали. Убыль была большая, много убитых, но с учетом того, что к нам примкнуло много окруженцев, всего собралось 500–600 человек. Потом наши разведчики сообщили, что тут одни немцы кругом, а фронт находился в районе Можайска, мы – южнее Вязьмы. Так что 20 суток выходили, ведя бой в тылу противника! Многие погибли, а раненых мы по деревням рассовывали. Лебедев тяжело заболел – его несли на носилках.

– *Куда же вы вышли?*

– К знаменитому селу Бородино. Но только расположились – немецкие танки! Распределил я людей, чтобы хоть как-то остановить их. В это время подходит колонна наших авто-

машин. Полковник меня спрашивает, кто мы такие. Объясняю. Он посмотрел, сколько нас и в каком виде, и сказал, чтобы мы шли в Дорохово на сборный пункт, а они займут оборону. Это был полк, прибывший с Урала. Я привел свой отряд в Дорохово – нас оказалось 72 человека: 10 – рядовые и сержанты, остальные – офицеры. И подполковники были, и майоры.

– *А вы – только старший лейтенант? Почему они вам подчинялись?*

– Настолько, видимо, велик был авторитет военной контрразведки. Все относились с уважением, а прощались со слезами.

– *Вы в это время выполняли исключительно командирские обязанности?*

– Нет, не только. Немцы под видом выходцев из окружения забрасывали своих разведчиков, диверсантов. Приходилось на ходу проверять наше «пополнение», кто такие. К нашему счастью, агентов не было.

– *И вы наконец-то вернулись в особый отдел?*

– Штаб находится в Волоколамске. Доезжаю на попутных машинах – а бомбежка страшная была! – вижу, около домика стоит солдат. Подхожу – рядом с ним стоят Рокоссовский и адъютант, который его уговаривает спуститься в щель. Вокруг все буквально трясется, бомбежка невероятная... Рокоссовский молчал, молчал, а потом говорит: «Как я могу идти в щель, если тут солдат стоит?!»

– *Вы потом с Константином Константиновичем встречались?*

– Конечно, и довольно часто. Последняя моя встреча с ним, когда он был командармом, произошла так. В освобожденных Сухиничах Рокоссовский сидел в кабинете, и рядом с домом разорвался снаряд. Осколок влетел в окно, ранил генерала в грудь, пробил легкие. Начальник мне говорит: «Из Москвы вызвали санитарный самолет, организуйте эвакуацию и обеспечьте безопасность командующего». Поехал я к указанному месту, куда вскоре привезли Рокоссовского. Он в тяжелом положении был – кровотечение сильнейшее, дышал с трудом. Когда прилетел самолет, я решил проверить его. Ведь было в 1941-м, что немцы перехватили информацию и захватили одного командующего. Мне сразу бросилось в глаза, что трое врачей какие-то не совсем белые и по-русски с акцентом говорят! Докладываю по телефону, что вот такое дело. Самолет задержали. Через полчаса звонят: «Отправляй, это испанцы, эмигранты – они создали санитарный отряд». Заранее предупредить не могли! После излечения Рокоссовского назначили командующим Сталинградским фронтом, а к нам пришел Баграмян.

– *С ним у вас тоже установились хорошие отношения?*

– Да, он к нам часто приходил, все дела мы с ним обсуждали. В 1942-м меня назначили старшим оперуполномоченным отдела контрразведки армии – считали, что я уже опыт приобрел. Но у меня больше военного опыта было.

– *В чем заключались ваши служебные обязанности?*

– Прежде всего бороться с агентурой противника. В первый период войны они в нашей форме ходили, но мы быстро навели порядок. Каждый месяц в документы офицерам и солдатам ставили шифрованные обозначения. Если нет обозначения – задерживали и разбирались... Когда же мы брали Городок, военная контрразведка впервые создала свой небольшой отрядик, который вошел в прорыв вместе с наступающими и даже с военной разведкой.

– *Для чего это было нужно?*

– Для захвата немецких разведывательных и карательных органов. Мы знали, что они там находятся. Мне пришлось участвовать в расследовании – это страшная картина, что они там творили! Сотни людей были закопаны живыми, вместе с детьми. Эти материалы мы передали правительственной комиссии. Пройдя через Белоруссию, наша армия вышла в Литву и первой прорвалась в Восточную Пруссию, на территорию противника.

– *Какая тогда была оперативная обстановка в Литве?*

– На первых порах вроде бы и ничего. Война есть война, им некогда просто было. А когда основные силы ушли в Восточную Пруссию, обстановка в Литве стала тяжелейшая! Подполье начало действовать, чего только там не творилось! Они небезуспешно действовали – хорошо знали свою обстановку, местность, лесистые места, топи всякие. Наши пройти не могут, а они.

– *Но ведь вы боролись с этими бандитами?*

– Конечно. В 1945-м, когда я уже был начальником отдела, мы получили информацию, что активно действующая банда собирается разграбить несколько сел. Я сформировал конный отряд, чтобы перехватить их, но мы опоздали, пока пробирались по болотам. А бандиты в своих же литовских деревнях такое натворили, что просто ужас! Волосы вырывали и груди отрезали у женщин, звезды на телах вырезали. Хотя нескольких бандитов мы выловили, но отряд был большой, и они возвратились через болота в свои схроны. Вообще Литва нам дорого обошлась.

– *Вы сказали, что к этому времени уже были начальником отдела. Какого?*

– Дело в том, что немцы очень серьезно использовали прикрытие раненых бойцов и офицеров. Сознательно подстреливали своих агентов, они попадали в медсанбаты, госпитали, а оттуда – в наши подразделения. Тогда было принято в нашей, теперь уже 11-й гвардейской, армии решение сформировать отдел контрразведки «Смерш» по выявлению агентуры и разведчиков противника через госпитали, медсанбаты, пункты эвакуации. Меня назначили начальником такого отдела – и мы начали работать. Небезуспешно, прямо скажу.

– *А разве немцы под конец войны не снизили свою разведывательную активность?*

– Представьте, мы уже вели бои за Кенигсберг, а в это время мой отдел вылавливает парашютиста! Агент прошел школу – с документами советского офицера, с рацией, со связью к националистическим бандформированиям. В общем, на длительное оседание. Борьба велась до конца!

– *И все же по вашей контрразведывательной линии вы гитлеровцев переиграли?*

– Да, хотя германская разведка и была на высшем уровне... Между тем у них все было совсем не так, как у нас. У нас все было расписано, указано, что можно делать, чего – нельзя. У них же вообще не было понятия «нельзя», они применяли любые методы, шпионам, диверсантам и террористам разрешалось действовать в любом плане.

– *Иван Лаврентьевич, вот такой деликатный, с точки зрения спецслужб, вопрос: как строились ваши взаимоотношения с различными категориями военнослужащих?*

– Сегодня некоторые мемуаристы оценивают взаимоотношения командования и контрразведки в критическом плане. Но у нас никаких противоречий не было. Обстановка была исключительно доброжелательная, при полном взаимодействии, полном понимании. Я уже говорил про будущих маршалов Советского Союза Рокоссовского и Баграмяна, очень добрые отношения были у меня с генералом Лукиным, который в 1941-м, как известно, попал в плен. Уж на что был строг будущий маршал Кошевой, но и с ним работа велась при полном взаимодействии.

– *Как солдаты относились к «Смершу»?*

– Нормально. Боязни, могу вас заверить, никакой не было. Тем более что мы все время вместе находились рядом. И потом, если человек готовится к бою, понимает, что его, может быть, совсем скоро убьют – чего ему тебя-то бояться?

– *Ну а вот отношение к вашим агентам?*

– Да кто их знал?! Никто ничего не знал. Если же где-то какой-то прокол был, сразу ликвидировали все документы, прекращалась всякая связь... К тому же очень часто мы обращались к помощи доверенных лиц, без оформления. Люди помогали нам на чисто патриотической основе. Подсказывали, информировали. Мы постоянно общались с личным составом, и это не вызывало никакой негативной реакции.

– *Какой же интерес был им с вами работать? Была ли какая-то материальная заинтересованность?*

– Да что вы! У нас и у самих денег-то не было. Просто подавляющее число воинов были преданы Отечеству, понимали и видели, что все, что мы делаем, – это в интересах страны, для того, чтобы приблизить победу над врагом.

«Оперработники – это бойцы переднего края»

Нашим собеседником был генерал-лейтенант в отставке Александр Иванович МАТВЕЕВ (1916–2007), первый заместитель начальника 3-го Главного управления (военная контрразведка) КГБ СССР, председатель Совета ветеранов военной контрразведки.

– *Александр Иванович, когда и почему вы пришли в военную контрразведку?*

– Пришел 22 июня 1941 года. Я был первым секретарем Запорожского горкома комсомола, и уже через несколько часов после начала войны меня мобилизовали. Вот и начал службу старшим оперуполномоченным полка.

– *Скоро ли вам пришлось встретиться с вражескими агентами?*

– Очень скоро – в сентябре 41 – го, когда нас перебросили в район города Большой Токмак, где мы заняли оборону... Как-то ночью боевое охранение задержало трех военнослужащих – старшину и двух бойцов с оружием, вышедших из окружения. А уже было известно, что противник настойчиво забрасывает к нам диверсионные группы. Доставили окруженцев ко мне, при проверке я обнаружил, что документы у них поддельные... Начал работать более целенаправленно... Один сказал, что родом из Запорожья.

– *Это для вас, думаю, подарком было...*

– Конечно, я ведь обстановку в городе хорошо знал. Боец сказал, что работал на заводе «Интернационал». Да, есть такой завод. Но когда я спросил фамилию секретаря райкома, он ответить не смог. И на других вопросах «поплыл». В общем, длительная у меня с ними работа была, и в конце концов тот, что был с петлицами старшины, признался, что они составляют диверсионную группу, заброшенную с целью совершения диверсий в районе Волновахи, а потом – в Запорожье.

– *Как с ними тогда поступили?*

– Допросил и, как было приказано, доставил в штаб армии. Но тут целое приключение вышло. Мне выделили трехосную полуторку со счетверенным зенитным пулеметом, пятерых солдат. Передал задержанных и протоколы допроса в особый отдел армии, сразу же возвращаться мне не советовали: мол, не стоит на ночь глядя. Утром уточнил обстановку, мне сообщили, что полк стоит на прежнем месте в районе хутора Трудовой – туда мы и отправились. Когда же подъехали к хутору, то увидели, что он занят немцами. Что делать? Командую водителю, тот – по газам. Пока немцы разобрались, мы пулей промчались по главной и единственной улице. Вслед нам ударили из миномета, не попали.

– *Действительно приключение!*

– Нет, это было только его начало, потому как следующий населенный пункт Ивановка тоже был занят противником. Мы оказались в «мешке». Обочины заминированы, а бросить машину и пешком выбираться – не дело. Решили идти на прорыв. Я дал команду подготовить установку к стрельбе по наземным целям, рассадил соответствующим образом автоматчиков – и мы промчались через Ивановку на полном ходу с ураганным огнем.

– *Для вас это был первый бой?*

– Конечно же нет... Еще в августе на Днестре, когда мы занимали оборону в районе населенного пункта Балки, был получен приказ любой ценой задержать продвижение противника. Ежедневно шли исключительно тяжелые бои, наши позиции непрерывно атаковали

танки, самоходки, артиллерия, пехота. В конце концов мы выдохлись, противник обнаглел, и в один прекрасный день немцы подошли к нашим позициям вплотную, началась рукопашная. «Ну что ж, Саша, теперь настала наша очередь», – сказал мне комиссар полка Слесаренко. Он поднял Боевое Знамя полка – и нас всех как ветром вынесло из окопов, была такая драка, что трудно себе представить. Все перемешалось! Дрались чем могли – винтовками, автоматами, сапогами, кулаками, душили друг друга, били головой о камни. Наконец немцы не выдержали, побежали, а мы их преследовали километров, наверное, 6–7. Причем они бежали, мы – за ними и не стреляли, вот что интересно! Стремись догнать и доколотить. Но потом они выдвинули танки и нас немножко отрезвили. Как видите, мы и в 41-м году не всегда драпали.

– *Известно, что командир в бою – впереди, «на лихом коне»; комиссар – в массах; а где во время боя находился особист?*

– Он всегда находился вместе с войсками, там, где была оперативная необходимость в его присутствии. Вообще его место там, где его подразделения, и если полк участвовал в бою, оперативный работник не мог просто наблюдать за этим. Кроме контрразведывательного обеспечения войск, он при необходимости еще непосредственно участвовал и в боях. Как свидетельствует опыт, чаще всего оперативный работник находился рядом с командиром полка.

– *Была ли в том польза в оперативном плане?*

– Так поэтому, кстати, наши оперативные работники и пользовались большим уважением и авторитетом среди личного состава! Офицеры и рядовые часто сами приходили с информацией, которая была полезной в оперативном плане. Это как раз подчеркивает необходимость того, чтобы оперативный работник был в гуще личного состава, который воюет, и чтобы он сам, если надо, воевал с оружием в руках...

– *Но, извините, не получалось ли это работой напоказ – в ваших, скажу так, ведомственных интересах? Мол, видите, какой у вас особист отважный? Или участие оперативного сотрудника в бою имело какое-то особое значение – не просто «лишний штык»?*

– Поверьте, что наши работники обычно играли большую цементирующую роль – например, по предотвращению паники, когда попадало подразделение в окружение. Ведь паника – самое опасное, самое неуправляемое поведение, которое может привести к тяжелым последствиям. Оперативные работники – это бойцы.

– *Это когда они в боевых порядках. А так, думаю, вам все же следовало переигрывать противника интеллектуально.*

– Всякое бывало. В ноябре 41-го, когда готовились к наступлению на Ростов-на-Дону, нам для усиления артиллерийского и пулеметного огня придали бронепоезд. Через свои оперативные связи мы узнали, что туда проник немецкий агент, который склоняет личный состав к измене, чтобы вывести бронепоезд и сдать немцам. Ну, задержали мы его. В комендантском взводе был домик, туда его ко мне и привели. Дело было вечером, темно уже. Солдат-автоматчик за дверью дежурил, а я за столом сидел, допрашивал. Во всем признавшись, он неожиданно бросился в соседнюю комнату, где спали бойцы комендантского взвода. Во мне вдруг пробудилась какая-то необыкновенная сила. Я тоже сорвался с места, выхватил маузер и так с ходу в живот пистолетом ему ударил, что он тут же выронил автомат, которым уже успел завладеть. Это мне на всю последующую войну, на всю жизнь запомнилось: с врагом надо быть бдительным.

– *Агентуры немецкой тогда много было?*

– Много. Но только качество подготовки агентов разнилось. Хотя вообще у них подготовка не очень хорошая была. Немцы на скорую руку создали целую сеть школ, формировали свою агентуру из числа изменников, предателей, пленных. Готовили их месяц-полтора, а потом забрасывали с ограниченными задачами: для разложения Красной армии, внедре-

ния в боевые части, получения информации и, конечно, для совершения диверсий. Это было особенно опасно. Но началось это не в 41-м, а значительно позже – ими уже «Смерш» занимался...

– *Кстати, чем была вызвана реорганизация органов военной контрразведки, переподчинение их Наркомату обороны?*

– Переподчинение в первую очередь подняло ответственность командиров всех степеней за борьбу со шпионажем. Они приняли меры для усиления режима секретности и стали более активно оказывать помощь оперативным работникам – в частности, с привлечением войск для проведения оперативных мероприятий. Образовалось более конкретное сотрудничество с оперативными работниками. Так что это было полезное дело.

– *Александр Иванович, вы тогда в какой должности были?*

– С начала и до конца действия «Смерша» я был начальником особого отдела 47-й гвардейской стрелковой дивизии.

– *А командиры армейские после переподчинения на вас не пытались влиять, давить?*

– Нет, это сложно было бы. Хотя был у меня один такой случай, когда командир дивизии Рахимов, человек недалекий, попытался освободить арестованных. Хотел лично, от своего имени доставить их в штаб армии – мол, задержал шпионов своими силами. В общем, выслужиться хотел!

– *Не получилось?*

– Я пошел к нему и потребовал, чтобы он немедленно отменил свой приказ. А то он уже и автоматчиков прислал, чтобы забрать арестованных. Я сказал, что выставлю своих автоматчиков и доложу Чуйкову о его неправомерных действиях. Так что крупный был тогда разговор, и он отменил-таки свое решение.

– *«Смерш» выполнял те же самые задачи, что и особые отделы раньше?*

– Особое внимание теперь было сосредоточено на оперативном контрразведывательном обеспечении наступательных действий войск. В первую очередь – на обеспечении ликвидации диверсионно-разведывательных групп.

– *А как, кстати, отразилось создание «Смерша» на противнике? И отразилось ли вообще?*

– Еще как отразилось! Создание «Смерша» значительно сузило вербовочную базу противника. Изменники Родины и дезертиры на вербовку стали идти с еще большей неохотой...

– *Почему?*

– Что такое «Смерш»? «Смерть шпионам!», и этот лозунг претворялся в жизнь. Раньше такого открытого призыва не было, а теперь попасть в руки «Смерша» для гитлеровских агентов значило идти на верную смерть.

– *Расстрел на месте – без суда и следствия?*

– Нет, их уничтожали исключительно в законном порядке. Так что теперь немцам пришлось подбирать агентуру только из числа скомпрометированных, тех, которые принимали участие в карательных операциях, у кого руки в крови были. Таким образом был нанесен серьезный удар по абверу. Не только сузилась вербовочная база, но и началось разложение в разведшколах, из агентуры, которая была заброшена, многие пришли с повинной, а часть просто перестала действовать – сами себя законсервировали, чтобы мы их не уничтожили как шпионов и чтобы немцы их не наказали.

– *И кто же в результате у них остался?*

– Как я сказал – те отъявленные, которым терять было уже нечего. Предатели, которые пощады не ждали.

– *С немцами – агентурой, разведчиками – вам приходилось встречаться?*

– Только с фольксдойч – поволжскими немцами, они в совершенстве говорили по-русски, поэтому работали под русских, как правило, возглавляли диверсионно-разведыватель-

ные группы. Когда же началось наше наступление, была директива по абверу и другим органам о создании нелегальной сети для проведения диверсионно-разведывательной работы и террора в тылу Советской армии. Такие группы, состоявшие из немцев, были потом обнаружены и разоблачены. Но это было в тылу, а я был с передовыми частями...

– Знаю, многих интересует такой вопрос: принимал ли «Смерш» участие в разного рода карательных мероприятиях? Не приходилось ли вам выступать в роли заградотряда?

– Нет, абсолютно нет! Никаких заградительных мероприятий мы ни разу не проводили. А то, что связано с ведением боя, – и отступление было, и паника была, – и тут мы действовали вместе с командирами. Но это были не карательные мероприятия, а чисто оперативные. Я знаю, об оперативных работниках, особенно в нынешнее время, придумано много всякой клеветы, дезинформации. Все это совершенно не соответствует действительности. Повторю еще раз: оперативные работники в полку были самыми передовыми бойцами, которые сражались в любой ситуации и не отступали. Недаром многие наши сотрудники были удостоены высоких государственных наград.

– Вы дошли до Берлина. Что вам больше всего запомнилось на завершающем этапе войны?

– Прежде всего, конечно, то, что я допрашивал командующего обороной Берлина генерала артиллерии Вейдлинга. Ну а потом, в Берлине, мне пришлось заниматься даже дипломатическими делами – было поручено интернировать японское посольство. Мы задержали японских дипломатов, вывезли их из посольства. Потом на меня же их и «повесили». Пришлось договариваться с командиром дивизии, ставить их на довольствие, пока не приехал официальный представитель МИД, чтобы их куда-то определить. Японцы говорили: зря вы нас забрали из посольства, там у нас бункер хороший. Но я отвечал, что они находятся в состоянии войны с англичанами и американцами, которые могли их не только интернировать, но и перестрелять. Так что, как видите, обязанности у меня были очень разносторонние.

– Александр Иванович, а почему после войны вы решили продолжать службу в органах военной контрразведки?

– Эта работа увлекла меня прежде всего тем, что военная контрразведка внесла очень большой вклад в победу. Известно было и то, что германские разведывательные органы оставили большое «наследство» – массу агентуры, заброшенной в наш тыл. При этом они, в частности абвер, установили связь с новыми хозяевами, американской и английской разведками, которым передавали свою наиболее ценную агентуру. Было ясно, что война разведок не закончится и после победы... Вот потому я и решил остаться в строю.

Маршал военной разведки

18 сентября 2009 года исполнилось 100 лет со дня рождения Героя Советского Союза генерала армии Петра Ивановича Ивашутина (1909–2002). Широкому кругу читателей об этом человеке известно немного: его напряженную жизнь, продолжавшуюся почти 93 года, можно сравнить с горой, чья вершина скрыта густыми облаками. Чем выше он поднимался по ступеням своей служебной карьеры, тем меньше было известно о нем и о его деятельности.

Около 25 лет он проработал в контрразведке. В Великую Отечественную войну служил в «Смерше», затем организовывал борьбу против националистического подполья, работал в центральном аппарате Комитета госбезопасности СССР, был первым заместителем председателя КГБ. В годы холодной войны генерал Ивашутин руководил деятельностью советской военной разведки – Главного разведуправления Генерального штаба Вооруженных сил СССР. Под его руководством офицеры ГРУ добивались уникальных результатов в своей деятельности.

Автору этих строк довелось встречаться и беседовать с Петром Ивановичем Ивашутиным и некоторыми из его соратников. Их рассказы легли в основу данного очерка.

Жизнь прожить – не поле перейти. За свою долгую жизнь Петр Ивашутин был рабочим и военным летчиком, контрразведчиком и руководителем ГРУ, принимал активное участие в общественной жизни страны, неоднократно избирался депутатом Верховного Совета СССР.

В июне 1931 года, по партийной мобилизации, его призвали в ряды Красной армии и направили на учебу в Сталинградскую школу военных летчиков № 7. Хотя школа эта готовила советских военных пилотов, однако двое из них через некоторое время стали начальниками советской военной разведки. В 1939 году – Герой Советского Союза Иван Иосифович Проскуров, в 1963-м – Петр Иванович Ивашутин...

А пока что, после окончания школы в 1933 году, военный летчик Ивашутин был направлен в 455-ю авиационную бригаду Московского военного округа. Службу проходил в 23-й эскадрилье тяжелых бомбардировщиков в качестве летчика-инструктора. Осваивал новую авиационную технику, летал на тяжелых бомбардировщиках ТБ-1, ТБ-2, ТБ-3. В 1936-м, во время полета по маршруту Москва – Серпухов, на бомбардировщике ТБ-3 отказал один двигатель. Жизнь всех членов экипажа, а их было семеро, зависела от мастерства и хладнокровия пилота, и капитан Петр Ивашутин смог посадить самолет на полевой аэродром.

Служба в военной авиации могла стать главным делом жизни Ивашутина – он даже поступил на командный факультет Военно-воздушной академии им. профессора Н. Е. Жуковского, успешно окончил первый курс, но далее продолжить учебу в этом учебном заведении ему не удалось. В январе 1939 года Петр Ивашутин был отобран для прохождения службы в Наркомате внутренних дел.

Вскоре он стал военным контрразведчиком, и в 1939–1940 годах принимал участие в советско-финляндской войне – начальником особого отдела 23-го стрелкового корпуса. Кстати, тогда Ивашутин лично обратился к секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Жданову, возглавлявшему Ленинградский обком партии, с просьбой оперативно принять меры по обеспечению разведчиков штаба корпуса всем необходимым для выполнения боевых заданий в тылу противника. Просьба была выполнена.

В мае 1941 года Ивашутин был назначен заместителем начальника 3-го отдела Закавказского военного округа. В Тбилиси он и узнал о начале Великой Отечественной войны. Как контрразведчику, ему пришлось воевать против германских разведчиков и агентов на Крымском и Северо-Кавказском фронтах.

Однажды – это было в 1942-м – Ивашутин с Северного Кавказа вызвали в Москву, к генерал-полковнику Виктору Семеновичу Абакумову, начальнику Управления особых отделов НКВД СССР. Расспрашивая его о положении на фронте, о работе особого отдела 47-й армии, которым тогда руководил Ивашутин, Абакумов мельком поинтересовался, большая ли у него семья. Петр Иванович с горечью ответил, что не знает, так как связь с семьей оборвалась во время эвакуации. Абакумов обещал навести справки, а через сутки вызвал его в свой кабинет и сообщил, что его родственники находятся в Ташкенте и он может туда вылететь.

В столице Узбекистана Ивашутин разыскал своих жену, детей и родителей, которые проживали в глинобитной халупе без окон и отопления. Товарищи из особого отдела Среднеазиатского военного округа помогли: выделили Ивашутиным небольшую комнату.

Когда же он счастливым человеком возвратился в Москву, Абакумов сообщил, что Ивашутин назначен начальником особого отдела Юго-Западного фронта... Затем Петр Иванович руководил Управлением контрразведки «Смерш» 3-го Украинского фронта. Действовал он всегда смело, умело и расчетливо, лично руководил боевыми операциями, проводимыми военными контрразведчиками.

Одна из таких специальных операций проводилась в апреле 1944 года, когда войска 3-го Украинского фронта вели бои за освобождение Одессы. В оккупированном гитлеровцами городе действовали наши разведчики-нелегалы, которым удалось внедриться в структуры немецкой военной разведки, однако в период боев за Одессу с ними была потеряна связь.

По замыслу руководства разведки эти нелегалы должны были отступать вместе с немцами и продолжать свою деятельность на территории Румынии и Германии. Но для того они нуждались в новых условиях связи с Центром и в новых шифрах. Для установления связи с ними в Одессу необходимо было направить связника... По указанию Ивашутина для выполнения этой задачи была направлена группа из четырех разведчиков, которую возглавил старший лейтенант И. Трегубенко.

Ивашутин сам разработал «легенду» – дерзкую и оригинальную. Трегубенко должен был изображать пленного советского офицера, двое других разведчиков – эсэсовцев, а четвертый – румынского жандарма.

В ночь с 8 на 9 апреля группа перешла линию фронта и прошла в город. В условиях спешной эвакуации, к которой уже готовился гарнизон, на эту группу никто не обращал внимания, а потому разведчики спокойно добрались до явочной квартиры, где Трегубенко передал руководителю нелегалов условия связи и шифр, и возвратились обратно.

Генерал Ивашутин рассказывал, что в годы Великой Отечественной войны органы «Смерша», в которых он вырос от капитана до генерал-майора, занимались не только выявлением немецких разведчиков и агентов, но и «зафронтной», как это официально называлось, разведкой.

– Я мог, если была необходимость, – говорил генерал, – послать своего разведчика для выполнения специального задания в Берлин, в Париж, в любое место за линией фронта. Фронтная же разведка должна была действовать только за линией фронта, в расположении противника.

Возглавляя контрразведку «Смерш» 3-го Украинского фронта, генерал-майор П. И. Ивашутин в 1944 году на завершающем этапе Яско-Кишиневской операции инициировал переговоры с представителями румынского правительства о выходе этой страны из войны на стороне фашистской Германии. В это время в штаб фронта прибыл представитель Ставки ВГК маршал Г. К. Жуков. Он ознакомил командующего фронтом с планом проведения последующей операции по окончательной ликвидации немецко-румынской группировки на территории Румынии. Ивашутин попытался убедить Жукова в том, что с представителями румынского королевского двора ведутся переговоры о выходе из войны и они близки к завер-

шению. Однако Жуков дал указание о проведении подготовительных мероприятий для проведения новой наступательной операции. Только после доклада по линии контрразведки Верховному Главнокомандующему И. В. Сталину об обстановке в зоне ответственности фронта решение о проведении операции было отменено.

Вскоре в Румынии было свергнуто правительство Антонеску, страна порвала отношения с фашистским блоком и вступила в войну против Германии. Решение об отказе от этой операции сохранило жизни многих тысяч солдат и офицеров...

Герой Советского Союза генерал армии Семен Павлович Иванов, который в 1942–1945 годах был начальником штаба Юго-Западного, Воронежского, Закавказского, 1-го и 3-го Украинских фронтов, писал: *«..Петр Иванович принимал непосредственное участие в подготовке и проведении наступательных операций 3-го Украинского фронта. Особенно много сил и энергии вложил он в подготовку и осуществление Ясско-Кишиневской, Будапештской, Венской операций, обеспечение действий войск фронта по освобождению Румынии, Болгарии, Югославии, Венгрии. Войну П. И. Ивашутин закончил в Австрии. Там встретил и День Победы...»*

После победы над фашистской Германией работы у контрразведчика Ивашутина не уменьшилось. США – один из основных союзников СССР в войне против Гитлера, стали теперь нашим главным противником, и американская разведка всячески стремилась внедрить на территорию СССР своих агентов. Для достижения этих целей использовались все методы. На территорию СССР забрасывались агенты-парашютисты, другие агенты иностранных разведок пытались тайно пересечь советские границы и раствориться на просторах страны, которая с большим трудом залечивала тяжелые раны войны.

Американские, английские и германские разведки активно использовали для достижения своих целей и «пятую колонну» – военизированные националистические организации, сохранившиеся на Украине и в Прибалтике. На Украине тайно действовали Организация украинских националистов (ОУН) и Украинская повстанческая армия (УПА). В Литве орудовали бандиты «Армии освобождения Литвы» и «Союза литовских партизан». В Латвии – «Латышское национальное партизанское объединение», «Латышская организация сопротивления» и другие, в Эстонии – «Эстонский национальный комитет» и «Союз вооруженной борьбы». Эти профашистские подпольные организации были хорошо вооружены, получали поддержку от иностранных разведок и причиняли Москве и местным органам власти большую головную боль.

Борьбу с националистическим подпольем на Украине было поручено возглавить генералу Ивашутину. В сентябре 1952 года он был назначен министром государственной безопасности УССР, а в 1953 году стал заместителем министра внутренних дел Украины.

Поставленные задачи он выполнил: руководители националистических организаций были уничтожены, однако многие рядовые члены этих организаций ушли в подполье, на долгие годы прекратив террористические акты и затаились. Перед отъездом из Киева в Москву Петр Иванович сказал руководителям украинского правительства:

– Борьба с бандеровцами не окончена. Пройдут годы, осужденные отбудут свои сроки. Далеко не все из них вернутся на Украину раскаявшимися. Вырастут дети и внуки репрессированных – в их душах сохранится обида за своих отцов и дедов... При мощной подпитке с Запада, на волне украинского национализма и русофобии бандеровщина возродится. Поэтому необходимо адекватное противодействие – политическое, экономическое и социальное, но особенно – идеологическое.

Противодействие, видимо, было неадекватным. В начале XXI века прогноз генерала Ивашутина оправдался.

В 1954 году генерал-полковник П. И. Ивашутин был назначен на должность заместителя председателя Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР

Как и другие заместители председателя этой организации, он отвечал за эффективную работу конкретных управлений и служб. Ивашутин курировал деятельность 3-го Главного управления КГБ (военная контрразведка), а также 4, 5 и 6-го управлений, ряда отделов и Комиссию по аттестации офицерского состава Комитета государственной безопасности.

Назначение Ивашутина на высокую должность в центральном аппарате КГБ, несомненно, было связано с дальнейшим обострением советско-американских отношений, усилением интереса американской разведки к государственным и военным секретам СССР. Американцы всячески пытались добыть сведения о советском военно-экономическом потенциале, но часто они делали это очень недобросовестно и порой докладывали Белому дому недостоверные сведения о Советском Союзе. Так, в 1947 году директор ЦРУ контрадмирал Р. Хилленкоттер, переоценив возможности СССР, сообщал президенту Трумэну о быстром наращивании советского атомного потенциала. По его оценкам, в 1955 году СССР должен был иметь 50 атомных бомб – однако такого объема советский атомный арсенал достиг значительно позже.

Подобные «прогнозы» иногда преднамеренно просачивались в прессу, пугавшую американцев советской военной угрозой, между тем как под пропагандистский шум в США наращивались темпы создания межконтинентальных баллистических ракет, разрабатывались планы атомной войны против СССР. В январе 1954 года президент Эйзенхауэр заявил: «...Если мы сможем одновременно совершить атомное нападение на все передовые базы ВВС коммунистов, противник будет обескровлен с самого начала боевых действий.»

Советские атомные бомбы и базы ВВС пугали президента Эйзенхауэра не случайно. Поводом тому послужила очередная ошибка американской разведки, агенты которой действовали в Москве. А. Даллес, возглавивший в 1953 году ЦРУ США, писал: «В 1954 году появились свидетельства того, что СССР производит тяжелые межконтинентальные бомбардировщики дальнего радиуса действия, сравнимые с нашими В-52...»

Американская разведка предположила, что «русские. планируют выпускать тяжелые бомбардировщики с темпом, который позволяет их экономика и технология.» Даллес писал: «Все это привело к предположениям в нашей стране об «отставании по бомбардировщикам».

Причиной этих вымыслов стал воздушный парад в Москве, состоявшийся 1 мая 1954 года. На том параде был продемонстрирован опытный образец советского реактивного межконтинентального бомбардировщика М-4, который пролетел над Красной площадью в сопровождении истребителей МиГ-17.

Американские военные дипломаты, присутствовавшие на этом воздушном параде, по достоинству оценили новый советский бомбардировщик. В Вашингтон полетели шифрованные донесения о том, что этот самолет может достичь берегов Америки и угрожает безопасности США. Американские разведчики не знали, что на обратный путь к своей базе у этого бомбардировщика не хватило бы сил, так как в те годы еще не была отработана система дозаправки самолета в воздухе.

Поскольку советская контрразведка – в том числе и военная – успешно вылавливала американских агентов, в США было принято решение о расширении использования в интересах разведки новейших достижений в области радиоэлектроники. 15 октября 1959 года директор ЦРУ А. Даллес заявил: «...Мы чувствуем, что научная сторона сбора разведывательной информации должна быть доведена до такого уровня, когда радары и электронные приборы будут иметь тенденцию занять место разведчицы Маты Хари.»

В США начиная с 1952 года полным ходом шли работы по созданию Агентства национальной безопасности. Главная задача АНБ – сбор разведывательной информации путем «перехвата электромагнитных сигналов» систем связи других государств.

Сведения о создании в США Агентства национальной безопасности добыла советская разведка. Подобной структуры в СССР в те годы еще не существовало. А резидентуры АНБ

уже действовали на многих из 400 американских военных баз, размещались на территориях многих стран. Особенно густо они селились вдоль советских границ. Новые средства сбора сведений позволяли перехватывать все сигналы, выходившие в эфир. В штаб-квартире АНБ эти сведения сортировались, дешифровались, анализировались и систематизировались профессиональными аналитиками, которые превращали разрозненные сведения в ценную разведывательную информацию. В Вашингтоне знали, что вложение средств в разведку – дело выгодное, оно не только окупает все расходы, но и приносит реальную материальную прибыль, помогает добиваться успехов в борьбе за лидирующее положение в мировом сообществе.

Американцы неоднократно пытались разместить своих электронных шпионов и на территории СССР. Одна из первых таких операций проводилась американской разведкой в 1955 году. Группа американских дипломатов собралась посетить Волгоград. В КГБ поступили сведения о том, что они везут с собой портативное радиоэлектронное оборудование неизвестного предназначения. Было решено захватить разведчиков с поличным.

Очевидно, что операцией по задержанию американцев руководил генерал П. И. Ивашутин, отвечавший за безопасность военных объектов.

«Путешественники» из американского посольства, со своей шпионской радиоэлектронной аппаратурой, были задержаны на месте сбора сведений разведывательного характера.

Кстати, технические эксперты дали следующую оценку: «Аппаратура предназначена для решения задачи нового, ранее не встречавшегося вида агентурной технической разведки. Аппаратура позволяет вести предварительную разведку импульсных, радиолокационных, радионавигационных станций и систем управления реактивным оружием. Разведывательные данные, получаемые с помощью этой аппаратуры, являются исходными и в совокупности с другими разведывательными сведениями имеют большое значение для разработки технических средств подавления нашей радиолокационной системы в ходе боевых действий... Работа разведчиков с указанной аппаратурой представляет серьезную опасность для обороноспособности нашей страны.»

В СССР принимались меры по укреплению обороны, разведки и контрразведки. В 1958 году было разработано новое «Положение о КГБ при СМ СССР», в создании которого принимал участие Ивашутин. В одном из пунктов документа указывалось, что органы КГБ должны вести *«контрразведывательную работу в Советской армии, Военно-морском флоте, в пограничных войсках и войсках МВД»* и в других структурах, предупреждая *«проникновение в их ряды агентуры иностранных разведок и иных вражеских элементов...»* Это направление было сферой деятельности генерала, который в 1956 году был назначен на должность первого заместителя председателя КГБ.

...В начале декабря 1958 года председатель КГБ при СМ СССР генерал-полковник И. А. Серов был освобожден от занимаемой должности и назначен начальником Главного разведывательного управления, что официально объяснялось необходимостью «укрепления руководства ГРУ».

25 декабря председателем КГБ был назначен А. Н. Шелепин, который никакого отношения к спецслужбам не имел, а ранее возглавлял Отдел партийных органов ЦК КПСС по союзным республикам. Зато Хрущеву он казался своим, «проверенным» человеком. Профессиональный партийный функционер, «железный Шурик», как окрестили Шелепина чекисты, принялся рьяно проводить линию Хрущева на «укрепление органов безопасности». В результате его деятельности в КГБ были ликвидированы некоторые важные подразделения, сокращено количество заместителей председателя, что существенно изменило распределение их обязанностей. Однако генералу Ивашутину, как и раньше, было поручено руковод-

ство деятельностью военной контрразведки и наблюдение за работой ряда других управлений и отделов КГБ.

В 1960 году в Комитете была проведена новая реорганизация. Генерал-полковник П. И. Ивашутин продолжал свою деятельность в качестве первого заместителя председателя КГБ и отвечал за работу органов военной контрразведки в Советской армии и на Военно-морском флоте, а также Главного управления пограничных войск...

В 1962 году сотрудники Комитета госбезопасности завершили сложную операцию по выявлению и задержанию агента английской разведки полковника Пеньковского. Он был арестован, предан суду военного трибунала и приговорен к высшей мере наказания.

Операцией по изобличению и задержанию предателя руководил генерал-полковник П. И. Ивашутин. Руководители и должностные лица ГРУ, отвечавшие за работу с кадрами, были строго наказаны – в том числе 2 февраля 1963 года был снят с должности начальник ГРУ генерал армии И. А. Серов, разжалованный до генерал-майора и лишенный звания Героя Советского Союза «за притупление политической бдительности».

Комментируя снятие Серова, генерал армии Ивашутин сказал:

– Его сняли не только из-за разоблачения агента английской разведки Пеньковского. За Серовым были и другие «прошлые дела», которые могли подорвать авторитет Хрущева, который очень доверял Серову. Провал с Пеньковским был ударом не только по Главному разведуправлению, но и по престижу самого Хрущева.

А дальше генерал Ивашутил сказал:

– Когда Серов был отстранен от должности начальника ГРУ, я сам захотел возглавить эту службу и готов был добиться улучшения качества ее работы. Хотите знать почему? Во-первых, я хорошо знал специфику работы военной разведки и имел представление о том, как работают военные разведки ведущих мировых держав. Во-вторых, в Комитете государственной безопасности мне стало тяжело работать. Честно скажу, на меня легла ответственность за работу всего аппарата КГБ, председателями которого стали назначаться люди случайные, некомпетентные – Шелепин, Семичастный. Наверное, они были политически зрелыми руководителями, но абсолютно ничего не понимали в деятельности контрразведки. Круг моих обязанностей становился все больше и шире. Мне даже приходилось летать с Хрущевым на съезды братских компартий, на различные международные совещания, чтобы обеспечивать его безопасность, хотя для этого был предназначен специальный заместитель председателя КГБ. Поэтому после снятия Серова с должности начальника ГРУ я обратился в ЦК КПСС с просьбой поручить мне руководство военной разведкой, которая в тот период подвергалась серьезной проверке комиссией ЦК КПСС. Мою просьбу удовлетворили. Так я оказался в Главном разведывательном управлении.

...Но эта тема к данной книге уже не имеет непосредственного отношения.

Владимир ЛОТА

«Чекист грамотный, общая подготовка хорошая...»

Я слушал этого человека и удивлялся – многое из того, о чем он говорил, казалось невероятным. Порой у меня было впечатление, что мой собеседник пересказывает захватывающие сюжеты приключенческого фильма. Только вот некоторые страницы из этого «сценария» лежали передо мной: документальные материалы 65-летней давности о службе в советской военной контрразведке «Смерш» моего собеседника – полковника в отставке Артемия Георгиевича Акинфеева, проживающего в Новосибирске.

Ему 89 лет, он мог бы молчать и дальше – и никто из его добродушных соседей по лестничной площадке так бы и не узнал, чем занимался он в годы Великой Отечественной войны и в послевоенное время. Но сегодняшние коллеги по профессии Акинфеева решили, что наступило время приоткрыть завесу тайны службы Артемия Георгиевича, на счету которого около 30 выявленных и арестованных агентов иностранных разведывательных и контрразведывательных органов.

...Год 1943-й – война далеко еще не окончена. Она продолжается даже и здесь, в только что освобожденном от гитлеровцев Киеве. Только это война другого характера: немцы оставили здесь, как и в других населенных пунктах, сети своей агентурной разведки. Многие из шпионов и диверсантов были вышколены в разведшколах абвера и «Цеппелина». Это были разные люди – бывшие белогвардейцы и кулаки, потомки крупных промышленников, разномастные националисты, да и обычные граждане, мечтавшие о вольготной, безбедной жизни или просто струсившие в какой-то момент.

«Причины предательства Родины могут быть разными, но в основном люди решаются на это из корыстных побуждений», – ответил Артемий Георгиевич на мой вопрос, что, по его мнению, толкает человека на измену.

Впрочем, большинство из тех, кто занимался подрывной деятельностью и совершал диверсионные действия против советских войск – против своего народа, желали видеть нашу страну не под властью большевиков. Полковник в отставке Акинфеев – один из тех офицеров «Смерша», кто целенаправленно и эффективно противостоял вышколенным нацистами питомцам абвера, оставшимся на освобожденных от фашистской оккупации территориях страны. Нелегко было выявить замаскировавшихся врагов: они говорили на родном языке, внешне ничем не отличались от тысяч обычных горожан, переживших фашистскую оккупацию. Во время войны в Германии и в оккупированных вермахтом областях Советского Союза и некоторых западноевропейских странах под руководством абвера функционировало около 60 разведывательно-диверсионных школ и организаций.

История с камушками

Однажды холодным ноябрьским утром лейтенанту Акинфееву захотелось прогуляться по Евбазу – местному еврейскому базару. Конечно, не для утреннего моциона – Артемий слышал, что на этом базаре можно купить едва ли не все, в том числе оружие и драгметаллы, предметы антиквариата. Подобные места привлекают различные криминальные элементы.

– Безобидная картина: сидит на ящике парень лет двадцати и торгует камушками для зажигалок, – рассказывает Артемий Георгиевич. – Я интересуюсь: «Почем?» Он назвал цену. Спрашиваю: «Где взял?» Отвечает: «Купил». Потом юноша одумался, что это может квалифицироваться как спекуляция, и сказал, что эти камушки ему дали за работу, так сказать, расплатились таким образом. «Кто расплатился?» Такой товар ведь не производится частными лицами. Парень покраснел, стал путаться в объяснениях, испугался. Я привел его в комендатуру Центрального района Киева, и в кабинете юноша вновь подтвердил, что эти

камушки вместо денег дал ему человек, на которого он работал, – администратор одной из киевских гостиниц. «За какую работу он так расплатился?» – спросил я. Парень ответил, что администратор попросил его выявлять коммунистов, евреев, партизан и всех тех, кто плохо отзывается о немецкой армии, и сообщать ему об этих людях.

Чекистам не составило труда найти этого администратора. Его арестовали. В ходе следствия выяснилось, что он был завербован неким Демченко, которого контрразведчики нашли аж на Западной Украине и доставили в Киев. Но кто бы мог подумать – Демченко оказался бывшим майором Разведуправления Наркомата обороны! Когда оперативники начали собирать материалы на этого офицера, то узнали, что еще в 1939 году он выезжал в Берлин в составе советской делегации, принимавшей участие в установлении демаркационной линии между Германией и Советским Союзом. Видимо, тогда немецкая разведка и его завербовала.

Когда же началась война и наши войска отступали, этот майор был оставлен на оккупированной территории с заданием возглавить в занятом немецкими войсками Киеве диверсионно-разведывательный отряд из партизан и подпольщиков. Он и возглавил, однако на самом деле верно служил фашистам.

– А ведь на Демченко возлагали большие надежды: он опытный разведчик, свободно владел немецким языком, – продолжает свой рассказ полковник Акинфеев. – Его инструктировали первый секретарь ЦК Компартии Украины Никита Хрущев и начальник 4-го управления НКВД Украины Строкач. Демченко выдали мандат такого содержания, что он имеет специальное задание, и все советские и партийные органы должны оказывать ему всяческое содействие... Следствие установило, что Демченко возглавлял одно из отделений немецкого контрразведывательного отдела «Абвернебенштел-ле – Киев». Пользуясь своим мандатом, этот человек нанес большой ущерб нашему государству, внедрившись в киевское подполье – в горком и в один из партизанских отрядов. Это был большой успех немецкой контрразведки! И все равно – в конце концов, предатель был разоблачен.

Что «внутри» у «Фордзона»?

В юношеском возрасте Артемий Акинфеев даже и не мечтал о такой рискованной профессии. Родился он в селе под сладким названием Ягодное Селенгинского района Бурятии. Его отец, Георгий Кондратьевич, пахал землю, мать, Екатерина Кондратьевна, хлопотала по хозяйству, нянчила детей.

– В нашей семье было восемь детей, но трое из них умерли еще в детстве, так как в то время в наших краях медицина практически отсутствовала, – вспоминает Артемий Георгиевич. – В сравнении с другими односельчанами жили мы неплохо, так как папа трудился в поте лица. У нас был добротный деревянный дом, несколько коров и немало домашней птицы. По своему характеру отец не был суровым человеком ни к нам, его детям, ни к другим людям. Мама была религиозной, по утрам и перед отходом ко сну она читала молитвы. Бывало, в пост отец, глядя на нее, шутил, когда я с братьями отправлялся в лес заготавливать дрова, он говорил нам: «Сальца не забудьте взять».

Интересно слушать очевидца тех далеких событий, о которых сегодняшнее поколение может узнать лишь из исторической литературы и мигающих «заснеженных» кадров немой документальной кинохроники. Представьте – первый трактор на селе! По воспоминаниям Акинфеева, в году 1930-м в четырех километрах от Ягодного, где была школа, большевики организовали коммуны.

– Пришли какие-то люди в черных кожаных плащах и кепках и собрали из ближайших сел всех безлошадников и безземельников, – говорит Артемий Георгиевич. – Этим беднякам – будущим коммунарам – выделили денег, дали лучшие плодородные земли и скот, купили американский трактор «Фордзон». Как-то летом в наше село приехал на нем тракторист.

Наши мужики с длинными бородами, староверы, с любопытством смотрели на это заокеанское железное чудо. Я слышал, как они говорили друг другу: глянь, что внутри у него, что за сила, ни лошадей нет, ничего, а он бежит. Все просили тракториста показать, что спрятано внутри трактора. Бабки окна позакрывали и крестились, а мы, пацаны, с криками бежали за этим «железным конем» до соседней деревни.

Коммуна просуществовала полтора года. Ее члены все проели, растащили добро по собственным подворьям. Зато Артемий за один год успешно окончил два класса школы. Он проявлял интерес к учебе главным образом по двум причинам. Во-первых, самый старший брат покупал книги и помогал делать уроки. Во-вторых, поощрением в школе считалось, если ученик правильно ответил учительнице на пару вопросов, то она пересаживала его с задних скамеек на передние. Сидеть в самом последнем ряду считалось зазорным, так как там были так называемые ослиные скамьи. Артемий от стыда сгорел бы, окажись он на такой скамье. Поэтому и учился.

Дальнейшее образование по-хорошему честолюбивый мальчик продолжил в селе Средний Убукун, что в 15 километрах от Ягодного. Он закончил там 7 классов, а жил у родственников. Потом поступил в кооперативный техникум в городе Кяхте, который вскоре перевели в столицу Бурятии Улан-Удэ. Парень учился на одни пятерки и получал повышенную стипендию, которая определялась по количеству баллов, набранных учащимся за полгода занятий. Некоторые ребята особенно не усердствовали в учебе, поэтому имели стипендию 70–80 рублей, а Артемий – 120.

– В школьные годы я не мог определиться с выбором профессии, так как жил в селе и, кроме этого трактора «Фордзона», ничего там не видел, – говорит полковник. – Вокруг были только лошади, коровы и домашняя птица. Первый автомобиль, полуторку, я увидел в 17 лет. Это было у села Средний Убукун на шоссейной дороге Улан-Удэ – Улан-Батор. Дух захватило – мне показалось, машина не проехала, а пролетела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.